

АННИ
АННИ БЕЗАНТ
БЕЗАНТ

ЗАКОНЫ ВЫСШЕЙ ЖИЗНИ

«ДРЕВНИЕ УЧЕНИЯ»

« Духовная эволюция »

« Высшая эволюция »

« Закон жизни »

« Закон возрождения »

« Закон смерти »

« Путь истинный »

« Введение в эзотерику »

LITRU.RU

Анни Безант (1847 – 1933) – ученица и последовательница Елены Блаватской, в течение двадцати шести лет – президент теософского общества, автор многих ярких работ по теософии. Книги Анни Безант вводят читателя в сокровищницу древней мудрости и сокровенного знания.

«Но если вы хотите знать, не только надеяться, не только страстно желать, не только верить, но знать с несомненностью и убежденностью, не способной колебаться, тогда вы должны искать Божественный дух не вне, а внутри себя».

Анни Безант

В преддверии храма

Глава I. Очищение

Если бы мы могли мысленно встать на такое место, с которого можно было бы обозреть течение всей эволюции и изучить историю нашей цепи миров не так, как они представляются нам в воображении, а такими, какими они являются в своей действительности, – глядя на эти развивающиеся миры и на это развивающееся человечество, можно было бы все это изобразить в картине. Мы бы увидели в пространстве возвышающуюся большую гору, а кругом горы до самой вершины вьющуюся тропу. Эта тропа огибает семь раз гору, и на каждом повороте тропы привал, где путники могут отдохнуть от усталости. Дорога поднимается спиралью все выше и выше, до самой вершины, где стоит Храм из белого мрамора: он ярко сверкает на фоне голубого эфира. Этот Храм – цель пути, и те, кто вошли в него, закончили свое горнее странствие и остаются там лишь для того, чтобы помочь тем, кто все еще поднимается. Внимательно всматриваясь в Храм, мы увидим в самой середине его святая святых и четыре притвора, кольцеобразно его охватывающих и находящихся в самом Храме. Таким образом, в Храме четыре притвора, отделенные друг от друга стеной, и в каждой по одной двери. Путник, желающий проникнуть в святая святых, должен последовательно пройти через эти четыре двери. Кроме того, кругом Храма тянется внешняя ограда, вмещающая значительно больше народа, чем сам Храм. Храм, его ограды и вьющаяся вокруг горы тропа составляют картину человеческой эволюции: это путь, по которому оно идет; цель его достигнуть Храма. По горной дороге шаг за шагом, медленно поднимается человеческая толпа, так медленно, что движение ее едва заметно. Это веками совершающееся движение кажется таким медленным, утомительным и тяжелым, что удивляешься терпению и мужеству странников. Миллионы лет проходят в пути, миллионы лет странник неустанно поднимается в гору, и в течение этих веков путник переживает бесконечное число жизней и продолжает – шаг за шагом – двигаться вперед. Глядя на всех этих бесчисленных путников, невольно спрашиваешь себя: «Отчего они идут так медленно? Зачем все эти миллионы людей совершают такой длинный путь? Зачем они все так стремятся к тому Храму, что стоит на вершине горы?»

Глядя на них, невольно приходит мысль, что они оттого идут так медленно, что не видят своей цели и не сознают направления, по которому двигаются. Путники постоянно сбиваются с пути, увлекаясь то в одну, то в другую сторону; они не идут прямо по дороге, как люди, сознательно стремящиеся к цели, а рассыпаются во все стороны, как дети, бегающие за цветами и за бабочками.

Время как будто проходит даром, и когда ночь наступает, кажется, что путники очень мало подвинулись вперед. И более развитые ненамного опережают других; неразвитые же засыпают на том самом месте, где они толпились весь день и где их застала ночь. Томительно смотреть на это страшно медленное шествие людей, и невольно спрашиваешь себя: «Почему же они не поднимают глаз и не пытаются понять направление, по которому им надо идти?»

А между тем к Преддверию Храма, которого достигают передовые отряды путников, ведет не одна только спиральная дорога; из многих ее точек поднимаются тропинки, ведущие прямо вверх, по которым сильные и мужественные путники могут подняться, если у них хватит смелости и силы. Первый шаг по прямому пути к Преддверию Храма путник делает тогда, когда его душа, миллионы лет стихийно поднимавшаяся по спиральной дороге, понимает, что его путь имеет цель: он впервые поднимает глаза и на мгновение видит вершину, озаренную светлыми лучами, исходящими от белого Храма. От времени до времени, оторвавшись от бабочек и цветов, тот или иной путник внезапно замечает этот свет; он поднимает взор и на мгновение видит Храм. После этого молниеносном откровения он больше никогда уже не останется тем, чем был:

он видел цель и конец пути; он видел вершину и ту крутую, отвесную тропу, которая ведет прямо к сияющему Храму. В эту минуту, когда путник видит, что вместо того, чтобы столько раз огибать гору по спиральной дороге, можно подняться быстрее к вершине, он понимает, что крутая тропа имеет щелью Служение и что вступающие на нее должны пройти через врата, над которыми сверкает золотая надпись: «Служение человечеству». Он понимает, что ему необходимо пройти через эти врата, чтобы достигнуть Преддверия Храма, сознавать, что цель жизни служение, а не эгоистическое искание себя, и понять, что единственный способ подниматься быстрее – это спешить в Храм, дабы из Храма послать помощь отставшим. На мгновение только сверкнул перед душой яркий луч света, сверкнул и потух, ибо по вьющейся дороге рассыпано много привлекательных предметов, которые невольно притягивают к себе, но раз душа уже видела свет, раз она уже была озарена сознанием конечной цели и долга служения, то в ней навсегда останется стремление ступить на крутую тропу и найти прямой путь к Преддверию Храма.

После этого первого видения душа озаряется снова и снова светом, и каждый новый луч разгорается ярче предшествовавшего. Те, кто хоть на одно мгновение осознали цель и смысл жизни, начинают подниматься с большею уверенностью. Они все еще идут по спиральной дороге, но они все более и более проявляют те свойства, которые мы называем добродетелями; все более и более углубляются они в религиозное настроение, которое поясняет им, как достигнуть Храма. Души, сознавшие возможный конец пути и чувствующие влечение к крутой тропе, отличаются от своих товарищей своей способностью терпеть и преодолевать; они идут в первых рядах и как бы ведут за собой остальную толпу странников. Они идут скорее, потому что видят цель впереди, знают направление и пытаются осмыслить свою жизнь. Не вполне ясно сознавая конечную цель, они тем не менее уже не кидаются бесцельно из стороны в сторону, не делают более то шаг вперед, то шаг назад: они упорно поднимаются по спиральной дороге и с каждым днем идут все быстрее и быстрее; озаренные желанием помочь своим братьям, они понемногу обгоняют толпу. Таким образом, они скорее поднимаются к вершине, хотя все еще идут по спиральной дороге; они начинают воспитывать себя, и в то же время они пытаются помочь товарищам по пути, простирая им руку помощи и увлекая их быстрее вперед. И тогда перед ними встает прекрасное, но несколько суровое видение, которое говорит им о возможности более краткого пути. Оно являет собою Знание. Религия и Служение – его родные сестры; втроем они ведут душу к той светлой заре, которая прольет в нее свет полного понимания и туманные мечты заменит ярко осознанной целью. В эту минуту святого озарения, когда душа признает служение законом своей жизни, из глубины ее вырывается обет служить беззаветно человечеству; этот первый обет, хотя он произносится еще и не вполне сознательно, полон глубокого значения. В Писании творится про одного из тех, которые ранее всех поднялись по крутой тропе, про того, кто шел так быстро, что оставил все человечество позади себя; прошли века, и его стали звать Буддой; говорится, что он «исполнял свой обет из века в век», ибо совершенство, которым он озарил мир, вылилось из его сокровенного обета служить миру. Такой обет связывает невидимыми нитями душу с теми, кто опередил ее, и приводит к Тропе Испытания, тропе, ведущей через Преддверие прямо к вратам Храма. Наконец, после многих жизней, полных стремлений и труда, душа, сделавшись чище, благороднее и мудрее, обнаруживал выросшую сильную волю; эта воля говорит уже не шепотом, наваянным прекрасной мечтой, а словом решительным и властным, требующим ответа: душа стучится у входа к внешней ограде; она стучится с полным пониманием трудности и размера задачи, которую берет на себя, и вместе с тем с непоколебимой решимостью довести свой подвиг до конца. Эта смелая душа решила выдвинуться из толпы, которой предстоит еще в течение миллионов лет подниматься по спиральной дороге; в несколько человеческих жизней она хочет

добраться до вершины юры по той крутой, отвесной тропе, которая прямо ведет в святая святых; в несколько человеческих жизней она хочет сделать то, что человечество совершит через мириады лет; она берет на себя такую работу, которую ум может не выдержать, такой могучий труд, что душа не могла бы предпринять его, не сознав уже свои скрытые силы и свою божественность. Это труд, достойный божества; выполнение его указывает на то, что в человеческом образе растет и совершенствуется сила божественная.

Итак, душа стучится, врата раскрываются, и она проникает во внешнюю ограду Храма. Шаг за шагом подвигаешься она и доходит до Преддверия Храма (всех врат четыре, и каждые врата символизируют одно из великих Посвящений). Войти может только та душа, которая навсегда отдалась Вечному и утратила интерес к вещам преходящим, ибо когда душа уже вступила в Храм, она более не выходит из него никогда; раз она уже проникла внутрь ограды, ведущей в святая святых, она более не может вернуться в прежнюю жизнь; она избрала свой жребий на все грядущие времена, она вступила в святилище, туда, откуда нет возврата. Первое великое Посвящение находится в самом Храме. Но душа, о которой идет речь, только еще готовится подняться по семи ступеням к первым вратам, чтобы здесь, у Преддверия Храма, на пороге ждать разрешения войти. Какова же будет ее работа в Преддверии? Какую жизнь будет она вести, чтобы удостоиться постучаться в Храм? Я хорошо знаю, братья и сестры мои, что в описании Преддверия многое может показаться непривлекательным и даже отталкивающим. Трудно найти дорогу к Преддверию; трудно жить той религиозной жизнью, полной подвигов, которая дает возможность душе постучаться у первых врат Храма, и те, кто входят в Преддверие, доказывают этим, что они сделали уже большую работу в прошлой жизни, в этой ограде покажется малопривлекательной тем, которые еще не признали и не поняли смысла и цели жизни, ибо помните, что в Преддверие вступили только те, которые посвятили себя навсегда служению; они отдали все, не прося взамен ничего, кроме радости служить; они вполне поняли изменчивость всего земного и отдались беззаветно своей высокой задаче; они оставили навсегда цветы и радости широкой горной тропы и твердо решили подниматься прямо к вершине, чего бы это им ни стоило. Страшное напряжение и сильная борьба ожидают бесстрашного путника, ибо здесь многое должно быть исполнено в короткий срок.

Эту работу можно для большей ясности расчленить, ко различные отделы не составляют последовательных ступеней, работа в них совершается параллельно. Отделы именуются: «Очищение», «Контроль мысли», «Созидание характера», «Духовная алхимия» и «На пороге». Над всем этим душа должна работать одновременно в течение всех тех жизней, которые она проводит в Преддверии; прежде чем она дерзнет подойти к вратам самого Храма, она должна научиться хоть отчасти совершать эту работу; в совершенстве работа будет исполнена только в святая святых.

Часть этой работы состоит в самоочищении, в очищении низшей природы так, чтобы каждая часть ее вибрировала в полной гармонии с высшей, чтобы очистилось все, что принадлежит к преходящей природе человека, тому, что мы назвали личностью, что не включает в себе постоянной индивидуальности, а есть лишь собрание тех качеств и характерных черт, которые человек собирает в течение каждой из своих многочисленных жизней. Это – те внешние качества и атрибуты, в которые, как в одежду, облекается Душа и которые часто сопровождают ее из жизни в жизнь; из всего того, что она вырабатывает в течение своего земного существования, она выбирает лучшее и складывает в сокровищницу своего растущего вечного «Я». В теософической литературе есть выражение, прекрасно рисующее настроение Души, которая добровольно вступила в Преддверие и видит весь предстоящий ей труд. Это выражение: «Отдать себя своему высшему Я». Слова эти полны глубокого значения; они означают твердое решение отбросить все, что временно и что

принадлежит низшей личности, во имя служения высшему; решение посвятить всю земную жизнь на собирание материала, нужного для роста высшего начала, истинной человеческой сути, той растущей индивидуальности, которая пребывает над каждой проявляющейся личностью. Отдать себя «высшему Я» для низшего «я» означает перестать жить для себя и начать служить вечному. Вся работа, которая выполняется в Преддверии, совершается ради того великого истинного «Я», жизнь которого все расширяется по мере того, как идет самоотверженное сужение вестника (личности), поданного им во внешний мир.

В одной из великих Упанишад сказано, что, если человек пожелает обрести свою душу, он должен прежде всего отказаться от «дурных путей»; но душа уже сделала это до своего вступления в Преддверие, ибо те, что вошли, не подвержены более обыденным соблазнам земной жизни: они переросли их; в том воплощении, в котором они вступили за внешнюю ограду, они давно отказались от дурных путей и не могут уже находить в них удовольствия. Они могут случайно сбиться с правой дороги и поскользнуться, но сознательно оставаться на ложном пути для них уже невозможно. Они могут ошибиться в выборе дороги; еще несовершенная в своем опыте совесть может их неверно направить даже и тогда, когда они стоят в Преддверии, но их совесть не перестает страстно искать правого пути. Против голоса совести низшая природа бессильна; человек, низшая природа которого способна идти против совести, еще не готов переступить за ограду; вступивший в Преддверие раз навсегда выбрал путь добра; сознательно он не может от него отходить. В предыдущих воплощениях он уже много потрудился; теперь он стремится совершить наивысшее, что доступно его сознанию. За оградой ему придется иметь дело с более утонченным соблазном, чем во внешнем мире, с теми тонкими и сильными искушениями, которые овладевают душой, когда ей приходится жить ускоренным темпом. Она не может тратить время на продолжительную борьбу с соблазном и на медленное созидание добродетели, она должна спешить подниматься по крутой тропе.

Прежде всего на нее нахлынут затруднения и искушения из области эгоистического сознания: соблазн вознестись над всеми, возгордиться и соблазн скрыть, сохранить для себя обретенное. Честолюбие, гордость, алчность побудят ее воздвигнуть стену между собой и теми, кто стоит ступенью ниже, жадно будет она искать знания, такого, которое она может употребить против мира, а не в пользу его. И этот соблазн облекается в любовь к знанию ради знания и в любовь к истине ради истины; позже, когда душа созревает, она видит, что в основе казавшегося ей столь высоким стремления лежало желание выделиться и обладать тем, чего другие не имеют. Это гордое желание выделиться, желание расти и достигнуть обладания – одна из самых больших опасностей для растущей души, опасность, которая может явиться ей и за оградой. И знания, и власти она пожелает не только во имя служения, но и потому, что они расширяют сознание; и вот воздвигается стена, чтобы удержать обретенное. Когда душа поймет, что честолюбие, гордость и отчуждение от братьев своих задерживают ее на пути к лучезарным вратам, она начнет горячую работу очищения: при свете лучей, исходящих из Храма, она рассмотрит все мотивы своих поступков и приступит к суровому изучению самой себя; этот свет так чист и так ярок, что тени темнеют, а предметы, казавшиеся светлыми, меркнут в его сиянии. Душа сознает, что природа желаний, которая так тонко переплетается с умственной жизнью, должна очиститься от всего личного, и она радостно берется за борьбу с личными стремлениями и со всем тем, что разделяет ее как от нижестоящих, так и от стоящих ступенью выше ее. Душа понимает, что врата Храма открываются только для того, кто разрушает стены, отделяющие его от братьев; и одновременно падают, как бы по волшебству, и стены, отделяющие ее от тех, кто впереди. Путь к Храму открывается лишь тому, кто сумел разрушить стены своей собственной природы и готов обретенным поделиться со всеми.

Таким образом начинается труд очищения: человек берет в руки свое «я» и начинает

изгонять из него все эгоистичное. Как же он этого достигает? Он не должен ничего разрушать, ибо все собранное им есть тот опыт, который строил способности и превратил их в силу; вся эта накопившаяся на эволюционном пути сила нужна ему теперь, но только не в грубом, а в очищенном виде. Как же он ее очистит? Легче всего было бы просто убить в себе некоторые свойства; гораздо легче было бы вырвать их, чем работать над ними, вырвать и освободиться от них раз и навсегда. Но этого сделать нельзя, ибо на пороге Храма он должен принести в жертву все, что собрал в прошлом и что превратил в силу и в способность; с пустыми руками войти он не может: он должен взять с собой все собранное им на пути и, не уничтожая его, должен совершить гораздо более тяжелый труд, труд очищения. Отбросив все личное, он должен сохранить все существенное. Все, что он познал как добро и зло, все это вошло в собранный им опыт; все его свойства суть плоды его усилий и стремлений; отбросив все примеси, он должен существенное, превращенное в чистое червонное золото, возложить на алтарь.

Возьмем одно или два из этих качеств и мы ясно поймем, в чем состоит труд очищения.

Начнем с той могучей силы, которая находится в каждом человеческом существе; эту силу человек развивает на низших ступенях своего развития, она сопровождает его на всем пути. На низших ступенях мы ее знаем как гнев, как злобу. Посредством этой силы человек прокладывает себе дорогу в мир, борется и часто преодолевает все препятствия. Пока человек не научился ею управлять и владеть, эта страшная энергия действует в мире как сила разрушительная, потому что она недисциплинирована, тем не менее она ценна, потому что она – сила. Еще до своего вступления за внешнюю ограду человек уже изменил эту душевную энергию и превратил ее в добродетель; тогда она стала именоваться благородным негодованием, страстью и ненавистью ко всему несправедливому, дурному, низкому и жестокому, и в этой новой форме она сослужила хорошую службу миру. При виде жестокого отношения к слабому человек раздражался гневом; при виде несправедливости, он негодовал и восставал против нее, и таким образом он постепенно очищал свой гнев от многих примесей; в прежних жизнях он гневался за себя, он возмущался, когда его лично оскорбляли, и платил ударом за удар, но задолго до вступления в Преддверие он научился побеждать в себе зверя и давно уже перестал платить злом за зло и ненавистью за ненависть. Очистив гнев от элемента личного, он стал негодовать не тогда, когда его оскорбляли, а когда на его глазах обижали ком-либо другого; не столько свои, сколько чужие страдания стали вызывать в нем протест. При виде жестокости по отношению к существу слабому и беззащитному, он бросался на обидчика и спасал слабого от насилия. Таким образом, он пользовался высшими эмоциями для того, чтобы овладеть низшими; благородно направленная страстность поработила его животную природу, он перестал гневаться за себя и негодовал лишь за тех, кому желал помочь. Он давно признал служение своим долгом; один же из способов служения в мире – борьба с угнетателями. Он сражался за слабых и обездоленных, он горячо восставал против зла и неправды и совершал в мире работу героя. Но в тихой атмосфере Преддверия, в свете исходящих из святая святых лучей совершенного сострадания нет места для гнева, даже если гнев и очищен от личного раздражения. Ученик должен научиться понимать, что те, которые творят зло, также его братья и что, совершив зло, они страдают больше, чем терпящие от них обиду; он начинает понимать, что это благородное негодование, эта страстная ненависть ко всякой неправде, этот бескорыстно пламенеющий огонь не может быть свойством души, неизменно тяготеющей к Богу, ибо божественная Любовь любит всех детей, которых посылает в мир, на какой ступени развития они бы ни стояли. Божественная Любовь, из которой все изошло, не имеет ничего вне себя. Она разлита во всей вселенной; она пребывает и в сердце злодея, и в сердце святого. В Преддверии человек должен уметь за скрывающимися покровами видеть божественное, ибо здесь духовные очи должны открыться, и между душой и «я» других людей не должно быть более стен; благородное негодование должно

очиститься от гнева и превратиться в одну святую силу помощи всем; в своей совершенной чистоте она готова помочь и тирану, и рабу, и тому, кто угнетает, и тому, кто угнетен, ибо Спасители мира не выбирают, кому служить. Те, кто желают стать Слугами всех, не должны никого ненавидеть. То, что было когда-то гневом, очистившись, превратилось в покровительство слабым, в безличную борьбу со злом, в совершенную справедливость ко всем.

То же, что он сделал с гневом, человек должен сделать и с любовью. На низших ступенях любовь его проявлялась в бедной, неприглядной и убогой форме; она стремилась только к удовлетворению себя и мало заботилась о любимом существе. По мере того, как душа росла, любовь изменялась, она облагораживалась, делалась менее эгоистичной и начинала обращаться к высшим сторонам любимого существа; внешняя сторона утрачивала свое значение, и любовь, некогда чувственная, сделалась чистой и нравственной. В Преддверии она должна еще очиститься; она должна освободиться от всякой исключительности. Очищаясь от личных примесей, расширяясь и все сильнее разгораясь, любовь будет стремиться не брать, а как можно больше давать другим. Делаясь все более и более божественной, любовь будет устремляться туда, где нужда сильнее, а не туда, где она может получить больше взамен.

В течение этого очистительного процесса душа будет строго проверять себя, и, служа человечеству, она будет постоянно спрашивать себя: нет ли чего-либо личного в ее служении? Если окажется, что душевная ее деятельность тонко переплетена с самостью, что она менее занята успехом дела, чем успехом действующего лица; если, потерпев неудачу и видя успех другого, она вместе с радостью за успех дела испытает долю разочарования, она узнает, что в ее служении все еще есть личная примесь; если бы она служила совершенно бескорыстно, у нее не было бы и мысли о своем участии в успехе дела. Если неудача хотя на миг затуманила душевную жизнь, лишая обычного мира и бодрости, то это ясный признак, что работа очищения еще не закончена и душевные очи еще не прозрели. Если испытывая и измеряя свою любовь, душа заметит в себе легкую дрожь разочарования при встрече с равнодушием и непониманием, и поток любви готов податься назад и приостановиться, потому что те, кому она дает свою любовь, не отвечают такой же любовью, то эта душа, суровая к себе и сострадательная к другим, поймет, что в ее любви есть еще тонкая примесь элемента личного, что она еще не нашла той высшей радости, которая заключается в одном акте даяния. Тогда она снова принимается за труд очищения и снова трудится, пока не научается давать свою любовь без единой мысли о награде или ответе; ибо воистину она знает, что больше всего потребности в любви у того, кто мало умеет любить, и что больше всего нуждаются в ней те души, которые еще ничего не умеют давать взамен.

Так душа сознательно трудится и растет, очищая свою низшую природу неустанными усилиями и неумолимой требовательностью; ибо она никогда себя не сравнивает с теми, которые ниже, а с теми, кто выше; ее очи всегда устремлены на тех, кто достиг вершины, а не на тех, что еще только поднимаются к внешней ограде. Ни на одно мгновение душа не может остановиться, «отдохнуть», она не может успокоиться и быть довольной, пока не увидит своего приближения к Цели, пока не почувствует, что перестала противиться святым силам Света, льющим на человечество из Сердца вселенной.

В Преддверии человек искушается не пороками, а своими добродетелями; тонкий соблазн является ему в небесных образах, в форме того, что в нем есть самого великого и благородного. Из-за недостатка знаний, добродетели обращаются в искушения, ибо человек перерос ту черту, за которой порок мог бы задеть или соблазнить его: чтобы ввести его в искушение, порок должен накинуть на себя маску добродетели. Вот почему ученик делается таким суровым и требовательным к себе; он хорошо знает по своим ошибкам и по заблуждениям своих товарищей, что то, что кажется столь трудным в мире, делается легким за оградой; он знает

также, что враг как бы похищает у него эти добродетели, чтобы обратить их в искушения и привести его к падению на Пути. Единственное спасение для него жить в свете «высшего Я»; он понимает, что он не смеет подойти к вратам Храма, пока этот свет не засиял в нем самом. Ибо как ему вступить в Свет, перед которым весь здешний свет – тьма? Как дерзнуть подойти к Свету, которого не могут выдержать нечистые очи, при котором все, что мы называем добродетелью, кажется несовершенным, и то, что мы называем красотой, кажется некрасивым? Как он посмеет войти в Храм, где душа будет стоять обнаженная перед Учителем, как она выдержит Его взор, если в сердце еще пребывает нечто нечистое, что может оскорбить Его?

И потому то, что было тяжело во внешнем мире, делается радостным в Преддверии, и очищающее страдание приветствуется как желанное. Господь, Учитель и Покровитель всех всегда стоит на пылающей земле; Его окружает пламя, пожирающее все, к чему оно прикасается. В сердце тех, что стоят в Преддверии, остались скрытые уголки, куда свет еще не проник; перед входом в Храм конечное очищение совершается живым пламенем Самого Господа; это пламя пожирает дотла все нечистое, что еще таилось в уголках сердца ученика. Он отдал себя Господу без остатка на этой пылающей земле, перед самым входом в Храм горит огонь, через который должны пройти все желающие войти. За чертой этого огня и в самом пламени виднеется Господь; от Него же рождается это пламя, от Его святых ног исходит очищающая сила его. Когда ученик окончательно очищается, он переступает врата, которые его навеки отделят от всех интересов низшего мира; одно лишь стремление будет жить в нем: желание служить возрождению человечества. На земле не осталось ничего, что могло бы еще привлечь его, ибо он узрел лик Своем Господа и перед этим видением потускнел и потух всякий иной свет.

Глава II. Контроль мысли

В том отделе моего предмета, к которому я приступаю сегодня, может быть, обнаружится самое большое различие, которое существует между точкой зрения среднего вдумчивого и уравновешенного человека и точкой зрения оккультиста. Мне придется с самого начала вести вас шаг за шагом, чтобы показать вам, как постепенно меняются точки зрения, ибо главное изменение человека относится к его сознанию, к роли последнего в его эволюции, к функциям ума и к способу, которым эти функции совершаются, и как раз в этой области сказывается все изменение, совершающееся в мировоззрении человека. Попробуем на одну минуту представить себе, каким образом добрый, справедливый и развитой человек, т. е. не поверхностный и не легкомысленный, а вдумчивый и уравновешенный, как такой человек смотрит на умственную дисциплину. Тот, кто сознательно поставил перед собой идеал добра, который он стремится осуществить, и известный долг, который он старается выполнить, тот признает, что то, что мы называем своей низшей природой, должно быть покорено и направлено к добру. Это для него вне всякого сомнения. Вдумчивый человек непременно скажет, что страсти и аппетиты тела, низшие эмоции, стихийно увлекающие легкомысленных людей, что вся эта сторона человеческой природы, которая возбуждается извне и вызывает в нем непродуманные поступки, должна быть под его контролем. Он назовет это своей низшей природой и заставит ее повиноваться высшей природе. При тщательном анализе окажется, что то, что мы обыкновенно называем самообладанием, и есть этот контроль над низшей природой, т. е. господство ума над желаниями. Больше того, при дальнейшем анализе мы увидим, что, говоря о сильной воле, о сильном характере человека, действующего при самых трудных обстоятельствах по определенно выработанному плану, мы имеем в виду человека, широко развитого, который в своих решениях и действиях руководствуется не внешними обстоятельствами, не окружающими его соблазнами, на которые отвечает его животная природа, а той суммой накопившегося опыта, которая именуется памятью. Эта память прошлого есть след, оставленный переживаниями, над которыми ум работает, которые он сгруппировал, сопоставил и из которых он сделал путем интеллектуального и логического усилия определенные выводы. Этот вывод остается в уме как правило поведения, и когда такой человек находится в трудных условиях, в таких условиях, которые совершенно подавляют слабую волю и сбивают с пути обыкновенного человека, то этот более сильный и более развитый ум руководствуется в своем поведении теми правилами, которые он выработал в свои спокойные минуты, когда его низшая природа не была возбуждена и не была окружена соблазнами; он не позволяет импульсам минуты сбить себя с намеченного пути.

Имея дело с таким человеком, вы часто можете предвидеть, что он будет делать; вы знаете принципы, на которых основано его поведение; вы знаете преобладающие линии его мысли и его сильный, определенный характер, и вы совершенно уверены, что, какие бы ни были внешние соблазны, в час борьбы этот человек осуществит идеал, который он поставил перед собой в минуту спокойного размышления. Это мы и имеем в виду, говоря о человеке с самообладанием. Такой человек достиг уже довольно высокой ступени развития: он сознательно стремится к полному господству над своей низшей природой; при самом большом возбуждении извне, душа его способна устоять против неожиданного соблазна, и он поступает благородно, как бы ни было велико искушение поступить низко.

Мы взяли как пример человека с сильным характером, с ясным мышлением, с разумным отношением к жизни, который не поддается, подобно недисциплинированному человеку, обстоятельствам или импульсам. Но этот человек может подняться на более высокую ступень.

Он может прийти в соприкосновение с великой философской системой, например, с теософическим учением, которое объяснит ему работу ума. Почерпнет ли он ее из древних источников Индии, Египта, Греции или из современной европейской литературы, эта философия во всяком случае даст ему новое воззрение на вселенную и во многом изменит его точку зрения.

Если такой человек примет основные учения теософии, то он поймет, как велико влияние его мыслей; он поймет, что ум его обладает творческой силой и что он во время своей работы буквально создает определенные мыслеобразы и этим творческим актом постоянно населяет окружающий его мир деятельными силами, которые работают на благо или на зло, часто воздействуя на душу и на жизнь таких людей, с которыми он уже не приходит в личное соприкосновение. Он начнет понимать, что для такого влияния на умы ему не надо непременно выразить свою мысль устным или письменным словом, также нет необходимости, чтобы его мысль облекалась в действие, которое послужило бы добрым или дурным примером. Он может быть совершенно неизвестной личностью в мире и не выступать публично. Он может явно влиять на чрезвычайно малый круг друзей и родных, приходящих с ним в личное соприкосновение, и тем не менее, даже пребывая в полном одиночестве, он обладает силой, превосходящую силу примера или речи: он может помогать или вредить миру; он может очищать или отравлять умы своего поколения; он может содействовать прогрессу или задерживать его; он может поднимать людей или тянуть их вниз и таким образом влиять на дух своего времени тонкими энергиями мысли, деятельными мыслеобразами, которые тем сильнее воздействуют на мир, что они невидимы и не признаны людьми. По мере того, как растет знание человека, мысль обретает для него новое значение, он понимает ответственность мысли, ответственность, которая возлагается на него только потому, что он мыслит; он понимает, что эта ответственность простирается гораздо дальше, чем он может видеть. Самым реальным образом он ответственен и за преступления, и за героические подвиги, которые совершаются в обществе; он понимает, что человек, совершающий то или иное действие, не один отвечает за свой поступок, ибо каждый поступок есть проявление, настоящее воплощение идей, и каждый участвующий в рождении этих идей принимает на себя и ответственность за данный поступок. Приняв эту более широкую точку зрения, человек понимает, что он должен управлять своими мыслями. Поняв всю ответственность за свои мысли и, следовательно, за качество этих мыслей, он начинает замечать, что род мыслей, которые он притягивает к себе из внешнего мира, сходен с теми мыслями, которые он сам рождает. Он не только магнит, отсылающий токи силы мысли в пределах магнитного поля, но он также магнит, привлекающий к себе те субстанции, которые отвечают на посылаемую им магнитную силу; его ум будет полон добрых или низких мыслей, смотря по тому направлению, в котором он сам работает. Рождая благую мысль, он не только исполняет свой долг по отношению к ближним, но, как это всегда бывает, если человек в гармонии с божественным законом, он сам выигрывает от того, что дает. В каждом случае, когда он посылает в мир благородную мысль, он создает в себе центр, к которому другие благородные мысли сами собой притекают как бы по магнетическому сродству, и ум его получает помощь и укрепление. С болью и со стыдом он должен признать, что, послав в мир нечистую мысль, он в своем сознании создал подобный же нечистый центр, который привлечет витающие в атмосфере низкие мысли и увеличит его склонность ко злу, подобно тому, как благородные мысли увеличивают его склонность к добру.

Признав эту связующую нас общность мысли, он изменит свое внутреннее настроение, почувствует всю свою ответственность за то, что он дает и принимает в себя, признает те нити, которые по всем направлениям тянутся от него и к нему; он признает в своей ежедневной жизни необходимость постоянно считаться с мыслями и поймет, что в сфере невидимом рождаются

все те силы, которые проявляются в психической и физической жизни. Но когда он вступает в Преддверие, он поднимается еще на одну высшую ступень. Он теперь ученик, он стоит на пороге той крутой тропы, которая прямо ведет кверху, он находится на испытании перед вступлением на этот путь.

Он начинает признавать, что за умом находится нечто большее и что это нечто находится в такой же связи с его умом, в какой ум находится с природой желаний. Развиваясь, человек признает господство ума над желаниями; подходя к порогу Преддверия, он признает – и это признание открывает ему Врата, – что этот ум, который казался ему таким великим, таким могущественным, этот ум, о котором один мыслитель сказал, что во вселенной ничего нет более великого, чем человек, и ничего более великого в человеке, чем ум его, – что этот ум ступшевывается перед величию того, что бесконечно выше, бесконечно шире и что на мгновение сверкает подобно молнии и затем снова скрывается.

Слабо, неясно еще улавливает он луч света, озарившего его ум свыше, и вместе с тем он уже как-то странно предчувствует, что этот луч – он сам. Вначале он смущен, он как бы ищет в темноте, он старается понять различие между этим новым Светом и своим умом, он чувствует, что этот свет – он сам и в то же время нечто большее, чем он. Он не знает, откуда пришло это озарение; было ли оно просто сновидением или мечтой.

Но прежде чем идти дальше, мы должны ясно определить значение слов «ум», «душа» и «дух». Нельзя играть со словами, надо понять всю их ценность. Я определяю душу как то, что индивидуализирует Мировой Дух, что сосредоточивает в одной точке вселенной свет; сосуд, в который изливается дух так, что в этом сосуде он кажется отдельным, – тождественный по существу, но отдельный в проявлении. Это разделение совершается для того, чтобы индивид мог развиваться и расти, чтобы в каждой сфере вселенной раскрывались его скрытые силы, чтобы он мог познавать на физическом и психическом планах так же, как и на духовном, без перерыва сознания; он должен создать себе орудия, необходимые для обретения сознания в иных сферах, и затем постепенно очистить их так, чтобы они не являлись для него препятствием, а превратились бы в чистые, прозрачные проводники познания на всех планах. Употребленное слово «преемник» может ввести в заблуждение; это – обычное затруднение со всеми выражениями, употребляемыми для душевных явлений. С одной стороны, оно помогает выяснению мысли, с другой, затемняет ее. Этот процесс индивидуализации не создает сосуда и не заполняет его сразу, придавая ему определенные очертания; он скорее аналогичен с образованием солнечной системы. Напрягая свое воображение, можно себе представить то далекое время, когда не было ничего, кроме пространства, и в пространстве ничего не было видно; в этом пространстве, которое кажется пустотой, но которое в сущности полно невидимой для глаза полнотой, является легкий туман, слишком тонкий, чтобы быть названным туманом, но представляющий собой начало сгущения; понемногу туман сгущается и сгущается, уплотняясь и постепенно отделяясь от окружающего пространства, из легкой тени он превращается мало-помалу в более определенный образ, туманность сгущается и образует систему с планетами и центральным солнцем. Так и дух совершает индивидуализацию: сперва он, подобно тени, является в мировой пустоте, которая полнее всякой полноты, затем делается туманом, образует все более и более определенные формы и с течением эволюции рождает индивида, душу, там, где вначале была лишь легкая тень.

Таков картинный процесс образования индивидуального сознания, так образуется душа в течение эволюции. Она не есть нечто уже готовое, что погружается в океан материи; она медленно, медленно создается или сгущается до того момента, пока делается индивидом, начинающим расти и непрестанно развивающимся с течением эволюции. Эта душа пребывает из жизни в жизнь через неисчислимые века. В сознании этого растущего индивида сохраняется

сознание всего того, что лежит за ним в прошлом. Душа есть сущность, которая в некоторых сынах человеческих вырастает до необычайного могущества. Все, что пережито и накоплено в прошлом, хранится в этом расширенном сознании, которое как бы втянуло в себя все свои жизни и опознало все свое прошлое. При каждом новом рождении, когда собирается новый опыт, эта извечно растущая душа облекает часть себя в новые оболочки, чтобы собрать новый опыт; и эта часть, которая спускается на низшие планы, чтобы скопить новое знание для роста души, и есть ум человека: это – та часть души, которая работает посредством мозга, ограниченная и скованная мозгом. Под этим игом плоти сознание, не будучи в состоянии проникать через грубый покров материи, затуманивается. Таким образом, ум есть только борющаяся часть души, работающая для роста всей души.

По мере того, как она работает, душа развивается и являет могущество. Душа облечена в оковы материи, и та ее часть, которая может проявиться через мозг, есть ум человека; иногда эта часть бывает велика, иногда мала, смотря по тому, какой ступени достигла эволюция. В Преддверии человек понимает, что ум есть только условное проявление души. Он понимает, что точно так же, как тело и «природа желаний» должны быть подчинены уму, этой пленной части души, точно так же и ум должен подчиниться той великой Сущности, которую он только слабо представляет собою в данный момент. Он – только орудие, только орган души, проявляющейся ради известной работы. То, что он соберет, он должен вернуть самой душе.

Каково же будет отношение к этим вопросам нашего ученика?

Ум ученика, приходя в соприкосновение с внешним миром, собирает факты, группирует их, делает выводы и строит на этом материале все свои интеллектуальные процессы. Результат этой деятельности переходит вверх или, лучше сказать, внутрь самой души; это то, что душа берет с собой в девачан и там, переработав, преображает в мудрость. Мудрость совсем не то, что ученость. Ученость – это совокупность фактов, это – суждения и выводы, основанные на них, а мудрость есть квинтэссенция всего, что душа вынесла из этих опытов. В девачане душа и претворяет опыт в мудрость.

Наш ученик понимает, что душа, которая пережила все прошлые жизни и постепенно построила себя, и есть его настоящее «я». Он начинает понимать разницу между вечно пребывающим «я» и умом, который есть только преходящее проявление этого «я». Ум есть проявление души в мире материи, где он исполняет работу, заданную ему душой. Когда ученик в первый раз взывает к Учителю и, вступив в Преддверие, восклицает: «Учитель! Что мне делать, чтобы достигнуть мудрости? Премудрый! Как обрести мне совершенство?» – с уст Учителя слетают странные на первый взгляд слова: «Разыскивай пути. Но будь чист сердцем, прежде чем тронешься в странствие. Ранее, чем сделаешь первый шаг, научись различать истинное от ложного, преходящее от вечного».

Затем Учитель объясняет разницу между ученостью и мудростью; Он выясняет, что такое неведение, что такое знание и что такое следующая за ними мудрость. Он определяет ум как «зеркало, покрывающееся пылью в то время, как оно отражает», и потому ум нуждается в «дуновении мудрости», чтобы «смести пыль наших иллюзий». Над этими словами ученик задумывается, в чем разница между реальным и преходящим и в каком оно соотношении с проявлением ума? В чем разница между отражающим зеркалом и душой, которая сметает пыль с зеркала, чтобы освободить нас от иллюзий? Какую роль играет этот ум, казавшийся такой могучей функцией в человеке, что принимался до сих пор за самого человека? В чем же функция ума, если уж с первого шага на Пути человек должен отличать иллюзию от реального, а ум как будто поддерживает иллюзию?

Ученик вспоминает другое выражение, также слетевшее с уст Учителя Мудрости. «Повелитель чувств, – было сказано, – царь низшей природы – не друг ученика». Он вспоминает,

что ему было велено искать этого Повелителя чувств (раджах), чтобы его понять, ибо он Творец мысли, он пробуждает иллюзию. Ученику было сказано: «Ум есть великий убийца реального. Ученик должен убить убийцу». Вопрос выясняется; Повелитель его чувств и есть Творец мыслей. Он пробуждает иллюзию и он убивает реальное, ибо реальность пребывает в духовном мире; с процессом дифференциации развивающийся ум рождает иллюзию. Уму присущи бесконечные образы и картины, он обладает той способностью творить образы, которую мы называем воображением, и рядом – рассудочной способностью, которая продолжает строить созданные им воздушные картины. Он создает иллюзию и убивает реальное, и потому первая задача ученика «убить убийцу», ибо он не сможет войти в Преддверие, пока не освободится от влияния этой иллюзии.

Продолжая внимать Учителю, ученик слышит голос, который повелевает ему слить ум и душу воедино. Для этого ему придется сделать ряд изменений в малом разуме, уничтожить его призрачную силу, чтобы привести его к слиянию с высшим началом, из которого он происходит, слить его так, чтобы Отец и Сын снова стали одно. Затем он слышит голос, который в мистических выражениях велит ему убить «лунное тело» и очистить «тело ума». Он стремится понять значение этих слов, начинает разбираться в аллегориях и символах и понимает, что «лунное тело» есть тело желаний (Кама), называемое астральным человеком; он понимает, что оно должно быть уничтожено, а «тело ума» очищено. «Очисти тело своего ума», – говорит Учитель, ибо только отметая пыль иллюзий, может «тело ума» вернуться к самому себе и слиться со своею душою. Ученик начинает постигать, какова его задача в Преддверии по отношению к своему уму. Он понимает, что он сам – та живая душа, которая поднималась в течение веков и которая сознательно выделила силу, чтобы создать орудие для собственного употребления, слугу, который подлежит контролю. Ум не может быть хозяином, он должен быть покорным орудием в руках, держащих его, слугою того, кто его выслал вперед. По мере того, как это выясняется, ученик начинает воспитывать свой ум. Сначала ему придется иметь дело с очень простыми вещами; он увидит, что ум его постоянно перебегает с одного предмета на другой, что им очень трудно управлять. Порывистый, непокорный и стремительный, он трудно поддается дисциплине, как это заявил Арджуна 5000 лет тому назад. Он начинает его воспитывать, как воспитывают коня, которого объезжают для верховой езды. Его учат следовать по данной дороге, не перескакивая заборов и рвов, не бросаясь по всем направлениям, а послушно следуя по пути, выбранному всадником. Таким образом ученик постепенно воспитывает свой ум. Он не поддается окружающим соблазнам и не позволяет своим мыслям метаться по всем направлениям. Он добивается, чтобы мысль его текла по определенным линиям, он отказывается приобретать знания обрывками и, отталкивая бесчисленные соблазны поверхностного века и времени, он будет читать по выбору и по внутреннему желанию: в этом скажется главное воспитание его ума.

Он читает с определенной целью, последовательно останавливаясь на известных рассуждениях, которые заставляют ум продолжительно работать по намеченной линии; он не позволяет ему скакать с предмета на предмет, питая свойственную ему тревожность, ибо эта тревожность является препятствием на пути и может его совершенно сковать, если не будет побеждена. Таким образом, день за днем, месяц за месяцем, год за годом он воспитывает свой ум, приучая его к мышлению и выбирая для него объект работы.

Он больше не позволяет своим мыслям приходить и уходить и не позволяет также какой-нибудь мысли завладеть им, он хочет быть хозяином в своем собственном доме. У него могут быть огорчения и заботы, но он ими пользуется для воспитания своего ума. Когда скопится много забот и волнений и когда является соблазн тревожиться о будущем, о том, что может еще случиться через несколько дней, недель или месяцев, он говорит: «Я не позволю такой тревоге

жить в моей душе, не дам приюта таким беспокойным мыслям; во мне будет жить только то, что я хочу, что я выбрал, а то, что приходит помимо меня, то будет изгнано». Есть люди, которые не спят по ночам, вследствие тревоги; не заботы их убивают, а мысли об этих заботах. Ученик так действовать не может; он не может допустить что-либо помимо своей воли и замыкает на запор двери своего ума уже перед этими назойливыми мыслями. Это определенная, медленная и нелегкая работа, мысли врываются, а он их должен выгонять; и это он должен повторять снова и снова, ибо нет другого пути к успеху: нужно схватить назойливую мысль, сколько бы раз она ни являлась, и спокойно ее выгонять, отказывая ей в приюте. Но как это сделать? Легче всего дать вначале уму какую-нибудь другую пищу; позднее ум просто откажется принять ее, но пока ученик не научился еще спокойно закрывать двери своего ума, не обращая никакого внимания на врывающиеся в него мысли, он мудро сделает, заменяя мысль о преходящем мыслью о вечном. Таким образом он достигает двух вещей: он освобождается от мимолетной мысли и вместе с тем приучает ум свой пребывать в вечном; он обретает чувство мира, понимание, что настоящее есть преходящее и потому не заслуживает волнений; пребывая в области вечного, ум обретает крепость и познает тайну мира в этом и других мирах.

Воспитывая таким образом свой ум и овладевая им, становясь способным выбирать и отгонять мысли, ученик сделает дальнейший, более трудный шаг вперед: он будет думать вне ума своего не потому, что он впадет в бессознательное состояние, а потому, что погрузится в более глубокое сознание; не потому, чтобы жизнь в нем начала замирать, а потому, что она сделалась настолько интенсивной, что мозг не в состоянии ее вместить. С этим ростом внутренней жизни, с возрастанием этой жизненной энергии, изливающейся из души, он познает ступень, на которой мысль не будет больше мыслью его ума, но сознанием самой души. Задолго до того, как он обретет это сознание и будет им владеть непрерывно, ему придется пройти через период тьмы и пустоты, через одну из самых тяжелых стадий Преддверия. Тогда он начнет понимать слова Учителя: «Своим божественным покорю свое низшее „я“, Вечным покорю Божественное». Божественное «я» – это душа, которая должна покорить малый разум, но над душой пребывает Вечное, и при вступлении в Храм это Вечное должно владеть Божественным, подобно тому, как Божественное владеет низшим «я». Постепенно и медленно он учится господству над всем, что его окружает и с чем он приходит в соприкосновение.

Он вступает на ту ступень Преддверия, где его окружают тонкие соблазны, не те, что возбуждают низшую природу, но те, которые дерзают восстать против высшей, пользуясь для гибели ученика умом, так как грубым искушениям не удалось соблазнить его. Тонкие искушения отуманивают внутреннего человека во время его восхождения по крутой тропе; они окружают его сонмом суетных мыслей, и он должен обрести полное господство над образами, созданными им самим, прежде чем он будет в состоянии оставаться совершенно спокойным и ясным среди этого полчища наступающих мыслей, получающих новую жизнь и силу от сил противодействующих, всегда стремящихся задержать душу в ее восхождении. В Преддверии он встречается с ними лицом к лицу, они набрасываются на него с яростью, свойственной силам зла, и если он не научился владеть собой и ограждать свой ум от стремительных нападений внешнего мира, то как же ему устоять против жестокой рати Мары? Это враги души, не пропускающие никого, кто не обрел еще совершенного мира.

Понемногу в ученике вырастает сила, рождающаяся от сосредоточения ума, ибо ум его научился уже твердо останавливать свое внимание по желанию, несмотря на окружающие бури; и эта сосредоточенность так велика, так тверда, что ничто извне не может поколебать ее; она так выросла, что не нуждается более в усилиях убить назойливую мысль: эту стадию она уже переросла. Чем сильнее душа, тем менее она тратит силы на борьбу, тем менее она чувствует нападение извне.

Теперь ум достиг той ступени, на которой непрощенные мысли сами умирают от прикосновения с высоконастроенной душой. Уму не нужно больше убивать и не надо больше быть убиваемым. Он очистился и сделался покорным. При этом слиянии ума с душой все негармоничное само собой отталкивается и умирает. Это та сосредоточенность ума, которая в восточном Священном Писании сравнивается с лампадой, поставленной в тихую обитель, куда не проникает колебание ветра; эта та обитель, где воля начинает проявляться, обитель абсолютного мира под тенью самого Христа. Об этой обители идет речь в древнем Священном Писании, где говорится, что человек, свободный от желания и скорби, узрит в тишине величие души.^[1] В первый раз воистину он видит это величие не в молниеносном откровении, не в мимолетном луче, но в этой совершенной тишине, где нет ни желаний, ни трепета скорби; величие души сияет без преград, и ум, уподобившийся полированному зеркалу, отражает ее во всей чистоте. В прежние дни этот ум был зеркалом, покрытым пылью, озером, взволнованным ветром, но теперь он обратился в полированное зеркало, способное отражать в совершенстве. Ум стал подобен озеру, отражающему и горы, и небо, и деревья, и звезды, и всякий оттенок на небесах.

Но до этой минуты есть час великой опасности, о которой говорится ученику. Перед самым вступлением туда, где свет лампы больше не колеблется, когда ум и душа готовы слиться навсегда, ум внезапно превращается в «обезумевшего слона, беснующегося в джунглях».^[2] Это последняя борьба ума, последнее усилие низшего восстать против высшего, бунт низшей природы, о котором творится во всех книгах Посвящения. В книгах, трактующих о сокровенной мудрости, говорится, что, когда ученик подходит к воротам Храма, все силы природы восстают против него, чтобы его удержать; это последняя борьба перед полной победой. Это отражение такой же борьбы на высших планах, столь высоких, что нам трудно их себе представить, ибо туда проникли лишь величайшие. Символически это переживание выражено в последней борьбе Будды под священным деревом: когда на него снизошло последнее просветление, сделавшее его Буддой, полчища врагов собрались вокруг него, чтобы попытаться закрыть ему путь. На бесконечно более низких планах такая же крестная борьба происходит в жизни ученика, приближающегося к воротам Храма.

Как ученику остаться победителем, как шествовать ему на пути испытания, по следам тех, которые шли перед ним? Из уст Учителя приходит помощь. Он говорит: «Нужны указания, чтобы привлечь к Алмазной Душе».^[3]

Что такое «Алмазная Душа»?

Это душа, совершившая слияние со своим «истинным Я». Душа без пятен и цельная, прозрачная, как алмаз, и пропускающая через себя свет Логоса, который собирается здесь, как в фокусе, для помощи человечеству.

Это высокое наименование «Алмазной Души» принадлежит той душе, поднявшейся над другими, через которую свет Логоса льется беспрепятственно, – так чист, так совершенен алмаз. К этой душе мы обращаем взоры в минуты нашего высочайшего вдохновения. Одного соприкосновения с ее красотой и огнем достаточно для нашего подъема, ибо душа тянется к своему идеалу, как цветок к свету; то, что влечет ее вверх, это – лучи, исходящие из Алмазной Души, которая изливает силу свою на то, что ей родственно, хотя бы это был только слабый росток, и привлекает его с божественной силой к слиянию с собой. Ученик начинает понимать, что означает Алмазная Душа; он понимает, что она должна быть воплощена в нем самом: «Взгляни на себя, ты – Будда!»

Он понимает, что и ум его, и тело – лишь орудия служения, что они лишь постольку ценны, поскольку творчество их достойно подниматься до высшего. Силою любви струны ума настраиваются душой, и ум делается музыкальным инструментом, достойным прикосновения

Учителя, – инструментом, на котором могут прозвучать все мелодии неба и земли. Стоя на пороге, ученик понимает, что он нашел свое высшее Я, что душа устремляет свои взоры на нечто более высокое, с чем ему суждено слиться воедино. Но самое слияние происходит уже внутри Храма. На пороге он лишь слил свое величие со своим преходящим «я», душу с умом. И тогда начинается его истинная молитва, которая выражается как отождествление с Высшим. Он узнает, что в своей ежедневной жизни душа всегда может молиться, чем бы ни были заняты ум и тело его. Он понимает, что жизнь ученика есть непрерывное поклонение Высшему, непрерывное созерцание Алмазной Души. В то время, как душа человека трудится в Храме, тело и ум его работают в Преддверии для помощи миру, ибо тело и ум могут служить непрерывно, пока человек жив; они его посланники и работники на земле, а дух его может пребывать в высших мирах. И тогда ему раскрывается значение слов: «На небе ангелы всегда лицезреют Отца», ибо видение Отца-Души есть непрерывное видение; никакое облако не может его затуманить, никакая работа на земле не может набросить тени на него. Душа постоянно зрит его в то время, как ум и тело ее работают. Когда душа этим достигла, порог перейден и душа вступает в Храм самом Господа.

Глава III. Созидание характера

Приступая к третьей лекции, я хочу прежде всего напомнить вам, что положение ученика в Преддверии очень разнится от положения обыкновенного доброго и религиозного человека, не видевшего еще конечной цели, не имеющего еще представления о величии своей задачи. Говоря о необходимых ученику качествах, я говорю с точки зрения сознательного развития для определенной признанной цели. Но творя об этих качествах, я не предполагаю, чтобы они были приобретены уже в совершенстве. Пока человек стоит в Преддверии Храма, он только еще приступает к созиданию своего характера. Поняв, чем он должен быть, он старается с большим или меньшим успехом осуществить свой идеал. Полное очищение, совершенное управление мыслями, совершенное творчество характера, полное преображение низшего в высшее, все это не может еще быть закончено на пороге Храма; в Преддверии он как бы набрасывает план здания и тщательно вырисовывает схему с надеждой ее осуществить в совершенстве. Разработка этой схемы, строительство стен и увенчание здания совершаются в самом Храме, когда глаза уже открылись, а не в то время, когда зрение еще частью затуманено; но важно знать, что схема уже готова и признана и что ученик твердо поставил перед собой задачу веков.

Как ни величава эта схема, но она принимается уже в Преддверии; как бы ни были несовершенны начинания настоящего, но они делаются основаниями для славного строительства будущего. Повторяю это так пространно, потому что некоторые мои слушатели могли бы испугаться такого широкого плана; следует ясно понять, что первое начинание есть начало работы и что за порогом нас ждут еще многие жизни, в течение которых эти начинания будут доведены до совершенства; план же архитектора служит основой для всего здания...

Перейдем теперь к созданию характера, которое является определенной задачей учеников в Преддверии. В прошлых жизнях он был уже праведным, т. е. он вполне понимал, что он не должен допускать ничего порочного в себе и что, если в нем остались какие-нибудь семена зла, он должен их неизбежно искоренить. В Преддверии не может быть компромиссов со злом, не может быть вопроса о сознательном уклонении от добра и правды. Могут быть неудачи в достижении добра, но ученик уже не в состоянии спокойно продолжать делать зло; от этого он уже давно отошел, ибо более грубая часть его природы была окончательно побеждена, а первоначальная стадия внутренней борьбы закончена. Совершенно неотесанные камни не могут быть внесены в Храм; обтесывание должно было происходить в течение многих жизней, много труда должно было быть положено на созидание характера, прежде чем он стал годным для строительства в Преддверии Храма. Следовательно, грубое обтесывание характера уже совершилось, и мы имеем теперь дело с созданием положительных добродетелей, высоких и благородных качеств, не только тех, которые признаются необходимыми в мире, но и тех, которые ученик стремится приобрести, чтобы сделаться одним из помощников и спасителей мира; тех свойств, которые делают человека одним из пионеров по пути к сверхчеловечеству.

В этой работе Преддверия прежде всего поражает стройность и определенность труда: здесь мы имеем дело не с порывами и стремлениями, не с прерывающимся строительством, при котором человек бросается налево и направо, ища цели; ибо здесь цель вполне установлена и известна. Строительство совершается сознательно человеком, который знает, что у него есть время и что ничто в природе не теряется. Строительство начинается над готовым материалом, причем человек спокойно констатирует свою силу и свои слабости, принимаясь за усовершенствование первой и исправление последних. Это строительство можно уподобить ваянию статуи, для которой уже есть материал и образец. Первое, что отмечает ученик в Преддверии, это определенность цели и сознательность поступков. Человек знает, что он

доведет до конца всякое дело, за которое примется, что он перенесет из жизни в жизнь накопленные сокровища; что если он и найдет недочеты, которые ему удастся заполнить только отчасти, то все же часть работы можно считать выполненной; что если он создаст себе силу, то эта сила будет принадлежать ему навсегда как неотъемлемая собственность, претворенная в самую суть жизни.

Признав Закон, лежащий за всеми явлениями природы, он строит с тем усердием, которое имеет свой корень в знании. Признав незыблемость этого Закона, которому можно вполне довериться, он с полной верой обращается к нему. В нем нет ни тени колебаний или сомнений; он отдает то, что должно принести ему жатву; он сеет с абсолютной уверенностью, что каждое семя принесет определенный, себе подобный плод, что оно вернется ему в будущем именно таким, а не другим. В его работе нет торопливости или нетерпения; если плод не созрел, если семя не взошло, он может подождать. Он знает, что Закон, которому он отдал себя, – благой и незыблемый закон; все придет в свое время, и это время будет лучшим для него и для мира.

Он начинает с тем материалом, который у него есть, и не ищет другого, потому что это то, что Закон принес ему из прошлого. С ним, а ни с чем другим он должен начать свою работу, и он начинает, каков бы ни был этот материал, обильный или скудный, бедный или богатый, малый или большой. Материал может быть беден, но нет границ его росту; если он мал сегодня, то в будущем он может вырасти бесконечно. Он знает, что он должен иметь успех. Это не просто вероятность, а полная уверенность, что перед ним не мечта, а определенная реальность. Закон должен вернуть ему ровно столько, сколько он сам дает, и если он дает мало, то и это малое вернется ему, и из него он создаст будущее, прибавляя постепенно к накопленному успеху и с каждым усовершенствованием поднимаясь выше и выше.

Он начал с правильного мышления, научился владеть своими мыслями, выбирая хорошие и отбрасывая дурные. Настойчиво работая над управлением мыслью, понимая законы, согласно которым мысли рождаются, влияют на мир и обратно воздействуют на их творца, он действует определенно в сфере мысли для созидания своего характера.

На первых ступенях Преддверия он уже должен владеть своим мышлением, главным образом потому, что его мысли влияют на других, и те, которые стремятся в Храм, ставят на первый план интересы других. Выбирая хорошие мысли, он это делает не столько для себя, как для тех, на кого он может влиять. Ибо вся его энергия устремлена на помощь миру, и он постоянно вопрошает себя, насколько его мысли помогают миру подняться и очиститься. Зная, каким образом исходящий из его сознания поток мыслей действует на окружающих, он позволяет зародиться в себе только полезным мыслям. Он также помнит о влиянии мыслей на собственный характер, он знает, что мысли его имеют жизненное значение, будучи орудием созидания характера; с одной стороны – они реагируют непосредственно на его характер, с другой – они делают из него магнит, притягивающий другие мысли. Зная, что человек обращается в фокус, притягивающий высокие и благородные мысли или дурные и вредные, ученик волевым актом делает из своего сознания магнит для всего доброго, так что злое умирает, соприкасаясь с ним, а все доброе вливается в него, получая новую пищу и новую силу; чужие мысли исходят из него преображенные, и он делается источником помощи для всех, не только тем, что постоянно рождает высокого качества мысли, но и тем, что преображает и оживляет те добрые мысли, которые приходят. Все эти мысли воздействуют на его характер, и потому с самого начала ученик постоянно следит за своими мыслями, тщательно в них разбирается, чтобы не впустить в святилище свое то, что могло бы оскорбить его. Если он не будет следить за этим, то двери откроются для врага, ибо его мысль – и крепость и врата.

Работая таким образом над своим характером, он учится следить и за своей речью. Прежде всего речь должна быть правдива, совершенно и до точности правдива, не условно

правдивостью мира, но той настоящей и строгой правдивостью, которая совершенно необходима для оккультиста и в которую входят: верное наблюдение, точная передача, честная мысль, правдивая речь, праведное действие. Там, где нет этого искания правды и этого серьезного стремления быть честным, там оккультизм может принести с собой только опасность падения, и это падение будет тем глубже и страшнее, чем выше поднялся ученик.

Для оккультиста качество правдивости есть и руководитель и щит. Оно руководит им, помогая отличать верное от ложного, правый путь от левого; оно прикрывает его как бы щитом, ограждающим его от искушений и обманов тех планов, через которые он проходит безопасно. Упражнение в правдивости мысли, речи и действия рождает то внутреннее прозрение, которое проникает через все пелены иллюзии и против которой ложь ничего не может сделать. Мир иллюзий полон обманчивых покровов, но духовное зрение неизменно видит истину сквозь все эти пелены. Развитие же этого духовного прозрения всецело зависит от того, насколько правдивость живет в нашем характере, культивируется нашим интеллектом и растет в нашем сознании; без правдивости нас ожидают только ошибки и неудачи.

Итак, прежде всего речь наша должна быть правдивой, а затем она должна быть кроткой. Правдивость и кротость не находятся в противоречии, как это часто думают, и речь ничего не теряет в правдивости от того, что делается совершенной в своей кротости, сострадании и утонченной внимательности. Чем правдивее речь, тем она должна быть более кроткой, ибо в самом сердце всех вещей пребывают правда и сострадание; речь, которая должна отражать самую суть явления, не может наносить беспричинно боль кому бы то ни было и в ней не может быть даже тени лжи.

Правдивой, кроткой и бережной должна быть речь. Такова дисциплина речи, подвиг и жертва, приносимые учеником. От правдивой речи и правдивой мысли неизбежно рождается надлежащая деятельность, ибо волны подобны своему источнику. Поступки являются лишь внешним выражением внутренней жизни, и там, где мысль чиста и речь правдива, там неизбежно благородны и поступки. Как из чистого источника могут родиться только чистые воды, так и из очищенного сердца и просветленного сознания неизбежно рождаются благие поступки. Это та тройная струя, которая связывает неопита с человечеством и Учителем; в некоторых религиях эта струна символизирует совершенное самообладание; управление мыслями, речью и поступками составляет ту тройную нить, которая приводит человека к совершенству служения, привлекая ученика к стопам Учителя. Эту струну трудно порвать.

Постигнув все это, ученик начинает свою работу над характером и прежде всего ставит перед собой известный идеал. Попытаемся выяснить себе значение слова «идеал». Углубленной работой ум созидает внутренний образ, складывающийся из того, что ум ученика черпает из внешнего мира, но хотя материал берется извне, образ есть результат внутреннего воздействия ума на материал. Высокая идея есть вещь отвлеченная, поняв ее образование в мозговом сознании, мы вполне постигнем, что такое идеал. Возьмем, например, древнюю иллюстрацию треугольника. Идея треугольника может явиться в мозговом сознании дитяти вследствие изучения многих форм, которые оно узнает под именем треугольников. Оно замечает, что они очень различны по форме, что их линии идут по разным направлениям. И сначала оно примет их за разные фигуры, не замечая их основного единства, дающего им право на одно и то же название; но постепенно оно видит, что под этим представлением о треугольнике есть целый ряд определенных истин: всегда три линии, не больше; всегда три угла, не больше; сумма этих трех углов всегда одна и та же, и эти три линии, именуемые сторонами треугольника, находятся в определенных соотношениях. Ко всем этим различным представлениям он постепенно приходит и черпает из них отвлеченную идею треугольника, не имеющего никакой определенной формы, никакого определенного размера и никаких различных углов. Работа ума

над многочисленными конкретными формами приводит к этой отвлеченной идее. Я не буду касаться здесь той великой идеи, которая отражается в идее треугольника; а рассматриваю лишь процесс образования отвлеченных идей, не имеющих цвета, формы и характерных особенностей и соединяющих в себе все, что приводит к единству все разнообразные формы треугольника. Создавая идеал, мы образуем именно такого рода отвлеченную идею; это – творческая работа ума, извлекающего из различных идей о добре суть того, что прекрасно, истинно, гармонично, сострадательно и что во всех отношениях удовлетворяет все стремления ума и сердца. Из всех этих идей, постигнутых в своем ограниченном проявлении, извлечена самая суть, а затем ум вырисовывает очертания великой героической фигуры, в которой все доведено до совершенства, все нашло свое высочайшее и полнейшее выражение. Созерцая этот образ, душа соприкасается не с тем, что истинно, а с самой Истиной, не с тем, что прекрасно, а с самой Красотой, не с тем, что сильно, а с самой Силой, не с тем, что любит, а с самой Любовью, т. е. совершенный образ, могущественный и гармоничный, соответствующий по величию тому, что лишь в редкие минуты вдохновения рисовал себе дух. Ученик, таким образом, ставит перед собой самый совершенный идеал, который он только в состоянии себе представить, зная, что самая совершенная его мечта только слабая тень той реальности, из которой родилось это отражение. Ибо в мире реального, в его ярком свете живет то, что он видит здесь лишь в слабом отражении и что пребывает в небесах, высоко над снежными вершинами человеческого вдохновения. Его идеал все еще несовершенен – иначе и быть не может, – тем не менее характер уже строится по этому идеалу.

Но к чему строить идеал? Постигший силу мысли знает, почему идеал необходим. Возьмем два изречения – одно из индусских Священных Писаний, другое из христианских, и мы увидим, что, несмотря на все различие языков и цивилизаций, посвященные говорят об одних и тех же фактах. В Чхандогье, в одной из самых мистических упанишад, написано: «Человек есть создание отражения; о чем он размышляет, тем он и становится, и потому думай о Брамане».^[4] Несколько тысячелетий спустя другой великий Учитель, один из создателей христианства, выразил совершенно ту же мысль иными словами: «А мы все открыты лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, в тот же образ преобразуемся от славы в славу так, как надлежит Духом Господним».^[5]

Взирая, «как в зеркале», потому что ум есть зеркало, которое отражает являющиеся образы, душа, созерцающая в этом зеркале славу Господню, преобразуется в этот самый образ от славы к славе. В словах индуса или христианина, в писаниях индусской или западной мудрости, мы имеем дело с учением одного и того же великого Братства. Человек должен поставить перед собой идеал, чтобы отражать его, и тогда он неизбежно становится тем, о чем постоянно думает. Как же будет идти это строительство? Оно будет совершаться путем созерцания. Определенно, сознательно в известное время, день за днем ученик, желающий дисциплинировать свой характер, будет созерцать идеал, который он себе поставил. Он сосредоточит свой ум на нем и постоянно будет отражать его в своем сознании. Ежедневно он будет рисовать его себе, мысленно в нем жить, и от созерцания его в нем родится то благоговение, которое обращается в поклонение, та великая сила, которая преобразует человека в то, чему он поклоняется. Во время его созерцания лучи божественного Идеала озарят его, а стремление вверх раскроет настежь окна его души навстречу свету, так что внутреннее озарение будет изливаться из него и освещать путь, по которому он должен ступать. Для созерцания он должен воспитать в себе способность к сосредоточенности. Ум не должен метаться. Мы должны учиться собранности и работу эту вести непрестанно, применяя ее ко всем обыденным вещам жизни, делая в данное время только одно дело с той сконцентрированной энергией, которая сосредоточивает весь ум в одной точке. Приходится много делать обыденных вещей, но дело не в них, а в том, как их делать. Для самовоспитания, ведущего к ученичеству, важна не та или иная работа в мире, но способ,

которым она совершается, настроение, с которым она ведется, урок, который из нее извлекается. Безразлично, какую жизнь приходится вести; как бы малоинтересна ни была работа, в данный момент можно ею воспользоваться как почвой для воспитания ума, который мало-помалу приучается сосредоточиваться на одной точке, на одном деле. Овладев этой способностью, можно свободно выбрать цель и направить ум на то, что поставлено перед ним. Работая над маленькими вещами, можно так же глубоко овладеть умом, как работая и над большими; в сущности даже лучше, потому что нас ежедневно окружают мелочи жизни, а крупные события встречаются редко. Когда приходит нечто большое, вся душа встает вооруженная навстречу ему; большое захватывает все внимание человека, всю его энергию, и человек оказывается в силах хорошо справиться с большой задачей. Но истинная ценность души испытывается больше в малых вещах, которые не захватывают внимания, не льстят нашему самолюбию. Человек, сознательно работающий для достижения избранной цели, пользуется всем окружающим, чтобы дисциплинировать себя. Самовоспитание (самодисциплина) есть ключ ко всей работе.

Следует составить известный план жизни, известные правила и строго придерживаться их, меняя их, если нужно, вполне сознательно. Возьмем такую простую вещь, как определенное правило утреннего вставания. тело также требует контроля, поэтому следует назначить наилучшее время для своей работы и для домашних обязанностей и соблюдать эти правила. Нельзя позволять своему телу самому выбирать свой час вставания, нужно воспитать его так, чтобы оно, как покорный слуга, мгновенно и автоматически повиновалось велению воли. Если через некоторое время будет заметно, что час плохо выбран, следует изменить его: не следует во имя упражнения воли терять гибкость, но менять свои решения нужно вполне сознательно и по своему собственному почину, а не под влиянием страсти, желания или эмоции. Низшая природа должна быть дисциплинирована, но регулируя нашу жизнь, мы ни в каком случае не должны мешать окружающим нас.

Когда весь этот путь к созиданию характера усвоен, человек приступает к изучению самого характера, ибо работать нужно с раскрытыми глазами и со знанием, а не в слепоте.

Мудро взять себе в образец план, по которому работали великие люди, и с такой помощью двигаться к вратам Храма. Хорошо, например, взять для этой цели XVI беседу из Бхагавадгиты, в которой Шри Кришна подробно описывает Арджуне необходимые качества для созидания божественного характера. Это дает план, по которому человек сам может постепенно развить эти качества. В этой XVI беседе – целый список качеств, которые могли бы стать предметом постоянной мысли и настроения ученика; только надо помнить, что характер строится сперва созерцанием добродетели, а затем уже выработкой этой добродетели, сделавшейся частью души и выливающейся в речь и в деятельность обыденной жизни ученика. Список большой, но у ученика есть время его выполнить: «Бесстрашие, чистота сердца, постоянство в йоге Мудрости, дела милосердия, самообуздание, жертва, изучение Шастр^[6], подвиги, прямота, незлобивость (неспособность делать кому-нибудь больно), правдивость, отсутствие гнева, отречение, миролюбие, отсутствие злословия, сострадание ко всему живому, отсутствие жадности, кротость, скромность, отсутствие легкомыслия, мужество, всепрощение, великодушие, прямота, приветливость, отсутствие гордости – таковы свойства того, который родился с божественными качествами». Ученик не сразу овладевает этими качествами, но приобретает их по мере того, как строится его характер. При внимательном чтении видно, что их можно сгруппировать по нескольким разрядам и затем ежедневно упражняться в них, вначале несовершенно, но не прерывая усилий, не печалься при неудачах, а радуясь, что каждый шаг приближает нас к поставленной цели. Эти качества проникнуты, с одной стороны, чувствами самоотречения, любви и кротости, а с другой – отличаются мужеством, силой и терпением; из сочетания тех и других является уравновешенность, и характер становится сильным, нежным,

самостоятельным, сострадательным, полным преданности и кротости, в высшей степени дисциплинированным и гармоничным.

Предположим, что до известной степени такой идеал принят для руководства в практической жизни и начинает осуществляться. Остановимся на одной стороне этой работы, которая часто бывает совершенно непонята. Для европейского слуха странно звучит слово «бесстрастие», которое выражается как безразличие к радости и горю, к холоду и теплу, к осуждению и похвале, к желанию и отвращению и т. д. Что означает это качество? Оно означает, что жизнь человека, понявшего хотя бы только на одну минуту различие между преходящим и реальным, должна проникнуться чувством меры; все мимолетное в жизни должно занять свое настоящее место в целом. Когда ученик осознал, сколько жизней было уже прожито и сколько жизней еще перед ним, когда ему выяснилась вся глубина его задачи, все величие тех возможностей, которые раскрылись перед ним, тогда он поймет, что все, случающееся в одной мимолетной жизни, вполне ничтожно по сравнению с его вечной жизнью, и горе и забота не будут больше занимать его внимание, как это было, когда он сознавал лишь одну земную жизнь, ибо он стал понимать, что он переживал всевозможные заботы и что те сила и спокойствие, которыми он владеет в настоящем, выросли именно из них. И когда к нему приходит радость, он знает, что он ее уже много раз переживал и что все ее дары преходящи. Таким образом, приходят ли к нему радость или горе, он будет знать их настоящее место, их истинное значение в Великом Планае Жизни. Развиваясь в сторону бесстрастия, он не делается менее чувствительным: наоборот, он все более и более сильно чувствует каждый трепет мира вне себя и в себе, ибо он научился звучать в гармонии со всем и сделался более отзывчивым на каждый оттенок мировой жизни, но эти вибрации потеряли власть над ним и не могут изменить его; они не могут нарушить его ясность или набросить тень на его мир. Он твердо стоит там, где нет ни бури, ни перемены, и хотя он будет их чувствовать, но они не будут иметь власти над ним; они заняли соответствующее им место, приобрели тот размер, который им подобает по отношению к душе. Как же достигается это спокойствие, это истинное бесстрастие, которое означает силу?

Прежде всего, оно достигается ежедневным размышлением над его значением и разработкой всех его деталей, а затем применением его в ежедневной жизни. Но проводить это качество в жизнь следует бережно, не ожесточая себя и не строя вокруг себя стены, а делаясь все более и более отзывчивым и поддерживая непоколебимое внутреннее равновесие, несмотря на все внешние потрясения. Этот урок не труден, но он приносит так много надежды, радости и такое углубление жизни, что стоит потрудиться. По мере того как душа вырастает настолько, что уже не колеблется и вместе с тем воспринимает каждую вибрацию, она обретает чувство расширяющейся жизни, более полной гармонии, углубляющегося сознания и растущего единства с Целым, которого она есть часть. Чувство одиночества постепенно тает и заменяется той радостью, которая пребывает в сердце вселенной; даже то, что для обыкновенного человека мучительно, теряет свою болезненность для ученика, ибо для него оно есть лишь часть мировой жизни, лишь буква в великой летописи. Он в состоянии без скорби в сердце изучать все его значение, ибо над ним витает мир, вырастающий из раскрывшегося знания и меняющий все его отношение к внешнему миру, к тому, что люди называют страданием и лишением. Таким образом, размышляя и работая, ученик почувствует в себе растущее сознание тишины, силы и ясности. Какая бы буря ни бушевала во внешнем мире, он будет ощущать тишину; буря не будет его потрясать, хотя он сознает и чувствует ее. Этот мир есть первый плод духовной жизни, проявляющийся прежде всего чувством мира и чувством радости и превращающий всю жизнь ученика в движение вверх и вглубь к Тому, что есть Сердце Любви. Отсюда развивается чувство самообладания, уверенность, что внутреннее «Я» сильнее внешних перемен; оно не теряет свою отзывчивость, но перестает меняться под влиянием внешних соприкосновений. От

самообладания и бесстрастия рождается та сила, которая погашает ненависть, та сила, которая является непрременным условием созидания характера человека, стремящегося стать учеником. Все должно быть введено в круг любви, как бы оно ни было отталкивающе и враждебно. В сердце вселенной пребывают Радость и Любовь, и потому ученик ничего не может выкинуть из круга своего сострадания; он должен сделаться другом всего живущего, и любовь его должна охватить все, что живет и чувствует.

Вкладывая эти камни в постройку своего характера, ученик делается бесстрашным: он ничего не ненавидит, и потому ничто не может нанести ему страдания. Внешняя обида есть лишь реакция на внутреннюю вражду. Люди делаются нашими врагами, потому что мы их враги. Мы несем в мир страдания, и потому все живое доставляет нам страдание. Вместо того, чтобы приходить с глубокой любовью, мы вступаем в мир как разрушители, как деспоты и ненавистники, стараясь не воспитывать младших, а завладеть ими, а между тем, наша обязанность их вести вверх путем нежного внимания и милосердия. Мы эксплуатируем все, что слабее нас, мы слишком часто измеряем свою силу беспомощностью слабых и тем злом, которое можем нанести им, а затем мы удивляемся, почему все живое бежит от нас и почему нас встречает страх слабых и ненависть сильных. В своем ослеплении мы не видим, что вся ненависть внешнего мира есть лишь отражение зла, пребывающего внутри нас, и что для сердца, исполненного любви, нет ничего ненавистного и, следовательно, ничего страшного. Человек, исполненный любви, может безопасно входить в джунгли и в берлоги кровожадных зверей. Он может взять в руки змею, ибо ничто враждебное не может проникнуть в обитель любви. Любовь, изливающаяся на мир, привлекают любовь, а не вражду; так тигр дружески ложится к ногам йога, и дикие звери приносят своих детенышей к ногам Святого, прося его защиты и помощи. Все живое подходит к любящему, ибо все живое – чадо Божье; Бог есть любовь, и как только в человеке любовь совершенна, все начинает устремляться к нему.

Так мы постепенно научаемся бесстрашно шествовать в мире; многое еще может нанести нам страдание, но мы знаем, что, страдая, мы уплачиваем долг прошлого, а каждый уплаченный долг погашает часть кармической летописи природы. Знание делает нас бесстрашными. Страх же рождается столько же от сомнения, сколько и от ненависти. Познавший закон преодолевает сомнения и потому идет твердою поступью. Он вступает на твердую почву, на пути его нет пропастей. Из этого сознания вырастает твердая непоколебимая воля, которая приобретает уверенность через любовь.

Проходя через Преддверие, ученик растет в силе, и его характер принимает определенные и ясные очертания, указывающие на то, что душа его зреет. Тогда отпадают постепенно все желания, привязывающие нас к низшему миру, все вожеления, неудовлетворенные в предыдущей жизни, все оковы, связывающие нас с землей; одновременно с этим отпадением личных желаний совершается отождествление с Целым. Ученик не может быть связан земными узами; люди возвращаются на землю, потому что желания привязывают их к колесу рождений и смертей, но ученик должен быть свободен, он должен разбить оковы желаний; и тогда лишь одно может связать его и вернуть к земле – это любовь к ближним и желание им служить. Он более не привязан к колесу, он свободен, но он может вернуться и повернуть еще раз колесо ради тех, кто еще привязан к нему и кого он не хочет покинуть.

Освобождаясь, он научается совершенному самоотречению и узнает, что благо всех есть и его благо, что помощь всем есть его единственная цель. Он приобретает доверие к себе. Идя к свету, он научается быть сильным и полагается на то «Я», которое одно для всех и с которым он постепенно отождествляет себя.

Но есть еще одно испытание и, может быть, самое тяжелое в Преддверии. Вступая сюда, он познал неизреченную радость, и ему было легко отвернуться от всего того, что дает счастье

людям, но в Преддверии его ожидает такое время, когда душа как бы спускается в пропасть; среди окружающего его мрака он не чувствует прикосновения дружеской руки и не ощущает твердой почвы, на которую могли бы опереться его ноги. Душа проходит через такой период роста, когда ничего не осталось на земле, что могло бы удовлетворить или наполнить ее жизнь, когда прежние дружеские отношения утратили свою прелесть, когда земные радости поблекли, а рук, протянутых к ней, душа не чувствует, и ей кажется, что она находится в пустом пространстве без единой точки опоры. На душу как бы наброшено густое покрывало иллюзий, и ей кажется, что она брошена без помощи. Это та пропасть, которая ожидает каждого ученика и через которую он должен переступить. Когда эта пропасть разверзается, темная и безбрежная, перед душой, душа в ужасе отступает, но ей не следует бояться. Погрузитесь в самую глубь бездны, и вы найдете ее заполненной. Бросьтесь во мрак и вы почувствуете под ногами скалу. Опустите руки, удерживающие вас, и другие более могучие руки схватят вас, поведут вас и никогда больше не покинут. Земные узы иногда порываются, рука вашего друга может выронить вашу, но невидимые друзья никогда не покидают, как бы мир ни изменялся. Смело вступайте во мрак одиночества, и вы увидите, что одиночество только кажущееся, и мрак обратится в неугасимый свет. Когда это испытание пережито, оно является иллюзией и ученик, решившийся погрузиться в бездну, оказывается на другом берегу.

Так идет созидание характера, которое будет продолжаться много жизней, с каждым шагом, с каждым воплощением облагораживаясь и обретая новую силу. Предыдущим анализом мы только положили основание зданию, и если работа кажется такой исполинской, то только потому, что в уме архитектора, набрасывающего план, уже стоит все законченное здание, по образцу которого он и строит.

Какова же конечная цель? Словами трудно передать конец этой работы. Кисть художника, облеченная в бледные краски земли, не в состоянии передать и тени той красоты совершенного идеала, до которого, мы знаем, нам суждено подняться. Но не было ли у вас мгновенного прозрения минуты тишины, не видали ли вы отражения этой красоты, когда и земля и небо затихали? Не озарял ли вас хоть на мгновение образ Тех, которые хотя и продолжают жить в нашем мире, уже вступили на ступень сверхчеловечества? Таким будет каждый человек, когда он вступит в святилище Храма. Если у вас когда-либо в тихие минуты было такое мгновенное видение, то вам не нужно слов. Вы знаете, каким состраданием веет от такого Существа, сияющего божественным совершенством, какая удивительная нежность исходит от Него, когда Он обращается и к самому низкому, и к самому высокому творению, признавая самые слабые усилия наряду с самым великим подвигом, – Он даже нежнее к слабому, чем к сильному, потому что слабый более нуждается в непреходящей любви, любви, которая кажется не божественной лишь потому, что она так удивительно человечна, и в такой любви мы понимаем, что человек и Бог одно. За этой нежностью скрывается сила, которую ничто не может потрясти, сила, на которой строится вселенная, сила, соединенная с безграничным состраданием. Как могут эти свойства быть в одном существе и сочетаться в таком абсолютном совершенстве? От этого видения излучается сияние той радости, что победила и желала бы со всеми разделить свое счастье, солнечное сияние, не знающее тени, слава победы, убежденная в том, что все победит; это радость очей, видящих дальше печали, знающих, что за скорбью пребывают нежность, сила, радость и глубочайший мир без малейшего облака, ясность, которую ничто не может затуманить. Таково божественное видение, таково прозрение того идеала, который вам суждено осуществить.

Мы осмеливаемся поднять так высоко свой взор потому, что Учителя еще ступают по нашей земле. Они высоко поднялись над нами и все же стоят около своих братьев. Если Они нас так далеко опередили, все же Они нас не оставили: все человечество пребывает в сердце Учителя, а

мы – дети этого человечества и потому имеем право мечтать, что и мы пребываем в Его сердце.

Глава IV. Духовная алхимия

Мы рассмотрели те душевные состояния, при которых ученик работает одновременно над очищением своих мыслей и создает свой характер, или вернее – закладывает его фундамент. Мы видели, что вступающий в Преддверие и поставивший перед собою такую великую задачу, не переходит от одной работы к другой, а скорее трудится одновременно над всей своей природой, чтобы обуздать ее, воспитать и направить к поставленной цели.

Теперь представим себе, что ученик обратился к другой части своей великой задачи – к духовной алхимии. Употребляя это выражение, я имела ввиду процесс превращения, трансмутации, наподобие того процесса, посредством которого алхимик малоценный металл превращает в более дорогой, например, медь в золото. Этот процесс происходит до известной степени в душе и в жизни каждого вдумчивого и религиозного человека. Но у ученика этот процесс делается вполне сознательным и определенным. Процесс духовной алхимии можно было бы определить как превращение сил. Каждый человек имеет в себе жизнь, энергию и силу воли. Над этими силами он должен работать, через них он должен достигнуть своей цели. Процессом, который с полной справедливостью можно назвать алхимическим, он низшие и более грубые силы превращает в более тонкие и одухотворенные. Он не только изменяет их направление, он переделывает и очищает их, но, не касаясь их сущности, точно так же, как алхимик проводил грубую руду через процесс очищения; он не ограничивался удалением шлаков, но подвергал металл дальнейшему очищению, которое доводило его до более тонкого, исключительного состояния, из которого алхимик мог получить более благородный и высокий тип металла. Точно также духовный алхимик обращается к силам своей природы, признает их нужными и необходимыми, но сознательно изменяет, очищает и утончает их. Для нас особенно интересен метод утончения, метод, которым может быть осуществлена задача алхимика.

Но цель духовной алхимии не только это преобразование сил. Желание привязывает душу к земной жизни, к колесу рождений и смертей. Его сковывает неведение, стремление к земным наслаждениям, к обособленным радостям. Если душа постоянно занята действиями, то эти действия, будут ли они сами по себе хороши или дурны, полезны или вредны, связывают душу, ибо в обыкновенном человеке действие рождается от желания, а желание накладывает оковы, но пока человек остается в мире, он должен продолжать действовать, иначе прекратилось бы само проявление. По мере того, как человек делается более благородным, мудрым и сильным, его деятельность становится все более и более важным фактором в мировом процессе. Если бы величайшие из представителей человечества перестали действовать, тогда остановился бы прогресс всей расы и эволюция была бы неизбежно замедлена.

Каким же образом душа, продолжая действовать, может стать свободной? Здесь мы опять имеем дело с духовной алхимией, посредством которой самый великий человек может быть и самым деятельным в служении: служение уже не будет связывать его, и таким образом оправдывается парадокс, что служение и полнейшая свобода могут совмещаться. Выражение «духовная алхимия», как путь к самой свободе, есть только намек на основной Закон Жертвы, тот великий закон, который лежит в основе всей проявленной вселенной и который постоянно выражается в столь разнообразных формах и так сложно, что легко впасть в ошибку. Легче всего ошибиться в выражениях, потому что многогранную истину человеческий ум видит в различных аспектах; в особенности она двойственна в зависимости от того, смотрим ли мы на нее сверху или снизу. Закону Жертвы, который управляет вселенной, подчиняется каждый атом, ибо он есть выражение проявленной божественной жизни. И тому, кто в речи своей касается этого закона, и тому, кто слушает речь, чрезвычайно трудно представить его себе во всей его полноте.

Истина может проявиться или со стороны материи, или со стороны духа. Мы можем взглянуть на нее как бы изнутри или извне и потому можем нечто утратить. По отношению к такому великому вопросу, как Закон Жертвы, это особенно сильно чувствуется.

Прежде всего возьмем низший аспект этого закона, проявляющийся во всех мирах. Он выражается в проявленной природе, как бы запечатленный в Космосе; он действует в мирах физическом, астральном, ментальном и т. д.; он создает известную связь между всем живущим, не только между всеми земными существами, но также между ними и всем живым в окружающих нас мирах. Поняв этот низший аспект закона, мы можем вынести чрезвычайно полезный урок, который озарит нашу работу в Преддверии.

Довольно правильно будет сравнить жертву в низших мирах с процессом обоюдного служения или обмена, постоянного вращения колеса жизни, при котором каждый и берет и дает. Никто не может избежать брать и потому не должен отказываться давать. В этом неустанном вращении колеса жизни участвует сознательно или бессознательно все живущее; чем более развито существо, тем сознательнее его участие. Может быть, нигде так ярко не выясняется это участие, как в Священном индусском Писании – Песне Господней, в котором разбирается вопрос о жертве, в связи с деятельностью. Великий Учитель говорит: «Мир скован всеми действиями, кроме совершенных жертвы ради; ради жертвы свободно и ты выполняй свои действия, о сын Кунти!»,^[7] а затем, возвращаясь к прошлому, чтобы совершенно выяснить великий круг взаимного служения, Учитель говорит: «Вначале актом жертвы были созданы люди и Господь сказал: „Жертвой размножайтесь; да будет она источником желаний. Ею питайте Светозарных, и да питают Они вас! Питая друг друга, вы достигнете высшего блага. Питаемые жертвой, Лучезарные ниспошлют вам желанное. Воистину тот вор, кто на дары не отвечает дарами... От пищи создаются твари, от дождя происходит пища; дождь возникает от жертвы; жертва рождается от действия. Знай, что от Брахмы происходит действие, а Брахман – от Вечного. Потому вездесущий Брахман вечно пребывает в жертве. Тот, кто здесь не следует вращению колеса, живя в грехе и наслаждаясь чувственно, тот живет напрасно, о Партха!“

В основе всех религий мы находим это колесо жизни, и чем чище и благороднее религия, тем чище и благороднее идея жертвы в ней. Заметьте, как в приведенном Священном Писании ясно приводится алхимическая идея неустанного превращения; пища превращается в существа, но для того, чтобы была пища, дождь должен превратиться в пищу; для того, чтобы пал дождь, должна быть принесена жертва, а боги питают нас. Эти мысли мы постоянно встречаем в древних религиях. Так, например, брахман бросает свою жертву в огонь, ибо уста богов суть огонь (агни), и в древние дни бросание жертвы в огонь сопровождалось пением мантр. Их произносили люди, знающие, что они делают, и мантры действовали как слова силы на низшие силы природы. Такая жертва регулировала многие силы природы, дающие людям питание. Хотя деяние само по себе было символ, то, что выражалось символом, было реально, и сила, исходившая из уст очищенного и просветленного человека, была также реальная сила. Цель символа была указать народу на это колесо жизни, заставить его понять, что деяние по сути своей есть жертва и должно совершаться как жертва. Оно должно совершаться как долг, потому что оно справедливо, а не по каким-либо иным мотивам; оно должно совершаться, чтобы человек был в гармонии с законом, ибо его ответ этому закону – участие в общей работе. В этом учении о жертве – узел единения, золотая нить, связывающая все сущее в этом проявленном мире. Так как корень жертвы есть действие, а действие исходит от проявленного Бога – Он есть то, что проявляется, – то в Священном Писании говорится, что каждая жертва проникнута Брахманом и что каждое действие может совершаться в мире как долг, без желания личных плодов, без желания какой бы то ни было корыстной цели. Позже является та низшая эгоистичная точка зрения, с которой со временем была связана идея жертвы. Сущность алхимии,

преображающей деяния в жертву, Сжигающей вновь желанья и освобождающей мудрого, состоит в этом акте вращения колеса, в исполнении долга ради долга. Сгорая в огне мудрости, деяние теряет свою поработавшую силу над душой; душа становится сотрудницей божественного закона природы, и каждое деяние, возложенное на алтарь долга, становится силой, вращающей колесо жизни, но не имеющей власти над душой.

Этот постоянный обмен, это обоюдное служение есть форма великого закона жертвы; происходит такое преобразование, что деяние, совершенное как долг, становится частью вселенской гармонии, двигает вперед эволюцию, помогает подниматься человечеству. В Преддверии ученик должен научиться все свои поступки выполнять в этом духе жертвы, не требуя ничего для себя, не ища ничего, не надеясь на плоды, не ожидая награды, совершая деяние только потому, что оно должно быть исполнено. Тот, кто это делает, действительно совершает работу духовной алхимии, в которой деяние очищается огнем мудрости. Он находится в сознательной гармонии с божественной волею в проявленной вселенной, становится силой для эволюции, и вся раса пожинает плоды его поступков, которые могли бы принести награду только ему одному, связав его душу. Так действует Закон Жертвы в своем низшем аспекте.

Теперь перейдем к высшему аспекту и попытаемся понять, что в сущности означает жертва в своей сокровенной сути. С той точки зрения, с которой мы все более и более будем смотреть на нее, по мере того как будем подниматься к божественной жизни, жертва есть давание или излияние, она рождается из желанья давать. Суть ее в том, что обладающий чем-либо ценным желает поделиться этим с другими, на помощь и на радость им. С внутренней стороны жертва есть дар, излияние души ради счастья других, и потому по своему существу она радостна, а не скорбна. Самое сердце жертвы есть свободный дар, предлагаемый душой, стремящейся излиться, разделить свое блаженство, отдать себя другим, так, чтобы радость ее и их была общая. Почему радость? Вернемся к самому сердцу Проявления. Божественный акт жертвы был самоограничением единого Бытия, из которого родился проявленный Логос. Об этом акте иногда говорится как об «агонии Логоса». Но что такое Логос? Это есть проявленный Брахман, а природа Брахмана – блаженство, как говорят нам древние Священные Писания. Основною нотой самой древней арийской религии было блаженство Брахмана; по пути своего восхождения к Брахману душа, сбрасывая одну за другою все свои оболочки, остается наконец облеченной в последнюю, именуемую «одеждой блаженства». В индусской раджа-йоге изучаемые проводники, через которые душа проявляет себя в мирах, показывают, как постепенно душа сбрасывает с себя телесную оболочку, затем более тонкое тело, затем тело желанья и тело ума. Приближаясь к Брахману, которому она подобна, она в конце концов от него отделяется лишь самой тонкой оболочкой, которая сохраняет ее индивидуальность со всей жатвой истекших веков. Эта оболочка и называется «оболочкой блаженства», потому что по пути йоги, в слиянии с божественным, душа освобождается от всего и испытывает одно блаженство. На этих вершинах не может быть жертвы, которая не была бы актом радости. От этого божественного источника, который есть блаженство, родилась вселенная; из этого Бытия, которое себя ограничило, изошел сам Логос. Целью этого самоограничения было – излить блаженство своей Сущности так, чтобы по завершении всего цикла жизни было бы много индивидов лучезарных и радостных, которые могли бы участвовать в этом совершенном, все растущем блаженстве, страдание заключается только в отдалении от него вследствие окутывающего душу неведения.

Итак, Закон Жертвы имеет божественное начало, основывается на божественной природе. Вселенная родилась из акта любви, и потому корень жертвы есть радость, соединение многих с собою, и конец всего будет мир неизреченный; следовательно, нам легко понять двойственный аспект Закона Жертвы, аспект давания, который есть радость, и аспект лишения себя, который есть скорбь для низшей природы, желающей схватить, а не давать. Такова великая тайна жертвы:

самая высокая радость есть акт давания, потому что его суть та же, что и божественной природы. По мере того как человек становится самим собою, он в своем самосознании делается божественным, все больше и больше радостным и все более способным передавать радость другим. По мере того, как высшая природа развивается, растет блаженство. Страдание возникает только от борьбы низшей природы, борьбы опутанного неведением и заблуждением «я». Следовательно, цель страдания – освободить нас от неведения. Весь процесс роста и эволюции есть освобождение от неведения; наша низшая природа ощущает этот процесс как страдание и борьбу, но по мере того, как в нас развивается настоящий человек, сознательно деятельный и способный дать себе выражение к в низшей природе, он будет все больше и больше сознавать, что суть его нравственных усилий заключается в том, чтобы проявлением радости и мира помочь скорбному миру. Постепенно он заставит низшую природу проникнуться его убеждением, и, постепенно очищаясь от неведения, она становится способной воспринять вместо иллюзии реальность.

Почему же постоянно связывают идею страдания с жертвой? Почему их так отождествили мысленно, что самое слово «жертва» вызывает в уме представление о мучительной агонии? Корень этой ошибки лежит в низшей природе. Вся ее первоначальная деятельность направлена только на то, чтобы хватать, брать, хранить для себя одной. Когда человек с неразвитым еще высшим «Я» приходит в этот мир для собирания опыта, он имеет еще очень мало влияния на свою низшую природу, и она погружается в мир ощущений, хватаясь за все, что ей кажется привлекательным, ничего не зная о природе вещей, увлеченная просто внешним видом их, совершенно не ведая, что скрыто под обманчивой поверхностью. Эти ранние и долго повторяемые опыты низшей природы заключаются в постоянной погоне за призрачными наслаждениями и в постоянном разочаровании при открытии, что эти радости не приносят все то удовлетворение, о котором человек мечтал. Страдая, человек постигает природу закона, постигает временную природу желаний и призрачность удовлетворения животной природы. Таким образом, и страдание, и радость ведут к познанию. Испытывая обе эти стороны проявленной природы, душа обретает познание о реальности, лежащей в основе вещей. Опыт бывает скорбный, но он преобразуется в знание, а знание преобразуется в мудрость, которая делается руководителем души. Раскрывающееся «я» человека начинает понимать свою сущность, и понимание это, преобразованное в мудрость, делается источником чистой и невозмутимой радости. Мудрость его растет, потому что растут зрение, ясность и сила; то, что тяжело низшей природе, встречается спокойно как приносящее опыт, и каждый раз, когда страстно желанное наслаждение принесло истинному человеку разочарование и усталость, он этот опыт претворяет в мудрость. С этой точки зрения само страдание имеет свою радостную сторону, ибо в опыте человек видит не временное страдание низшей природы, а обретение знания высшею. Он понимает, что этот опыт обуславливает его рост в знании и силе; он его принимает радостно и сознательно, зная цель, зная, что золото выходит из огня.

Но если мы обратимся к обыкновенному человеку, ослепленному неведением в низшем мире, неустанно учащемуся суровым и тяжелым урокам, ищущему животного удовлетворения, пренебрегающему благом других, не думающему о страдании, наносимом другим, шагающего беспечно через других ради своего личного удовлетворения; несомненно, такой человек, видя, как неизбежно разбивается его наслаждение, чувствует прежде всего острую боль, горькое разочарование, печаль и усталость. С точки зрения такого человека, опыт несомненно есть нечто скорбное; с высшей же – опыт стоит страдания, ибо несет мудрость, глубокое проникновение в природу и познание закона. Низшая и высшая природа находятся в конфликте; высшая должна работать через низшую, а низшая не понимает цели высшей. Без помощи низшей природы высшая не может достигнуть цели, и потому происходит взаимная борьба: высшая

природа пытается насильно двинуть низшую или сдержать ее, а низшая это ощущает как насилие над собой, как отнятие у нее желанного. Но по мере того, как высшая природа воздействует на низшую, последняя начинает понимать, что все хорошо, что опыт стоит страдания, ибо путем этих скорбных усилий человек обретает силу и преходящее страдание теряется в радости осуществления. Таким образом, когда душа развилась, в ней происходит двойственная работа ума; ученик добровольно и сознательно выбирает трудную вещь, потому что сознает всю ее желательность, но он должен пожертвовать некоторыми низшими желаниями, и он их сжигает в огне познания. Тогда он видит, что сжигая эти низшие желания, он сжигает и связывающие его оковы и задерживающие его слабости, он понимает, что мучительное прикосновение огня есть не что иное, как сжигание его цепей. Тогда он радостно принимает свободу, и с каждым повторяющимся опытом он все больше ощущает свободу и все меньше страдание. Внутренним проникновением страдание преобразуется в радость; снова действует божественная алхимия; изливаясь на низшее, высшее делит с ним свою радость, свое чувство непреходящего и все возрастающего блаженства. При приближении к Храму душа постигает, что в сущности это – процесс освобождения от всех тех ограничений, которые мешают ей чувствовать свое единство со своими братьями и с «божественным Я». Когда таким образом истинный, духовный человек проявляется, то сжиганием оков постигается божественная радость: страдание оказывается вопросом обособления, имевшим свой корень в неведении; с прекращением неведения кончается и страдание. Познав, что ограничения призрачны и не имеют места в мире, где пребывает истинный человек, ученик сознательно начинает преобразовывать способности низшей природы и алхимическим процессом все более утончает и облагораживает их.

Для примера возьмем два случая. Сперва возьмем один из величайших источников страдания в низшем мире: искание личной своей радости без внимания к желаниям и чувствам других, желание обособленного наслаждения в маленьком кружке, охраняемом от всего мира для этого ограниченного наслаждения низшего «я». Как справится душа с этим инстинктивным исканием наслаждения? И нет ли в нем чего-либо такого, что в огне способно превратиться в ценность? Действительно, приводящее к страданию искание удовольствия может преобразиться в способность распространять радость, в которой все могут участвовать. Это преобразование душа совершает тем, что в своем искании радости, она постепенно отбрасывает элементы отчуждения, непрестанно борясь с желанием обособиться, разрушая неведением воздвигнутую стену и сжигая ее дотла так, чтобы она больше не отделяла душу от других «я». Когда же обретается радость, о которой мечтала душа, человек спешит поделиться ею со всеми своими братьями. Воистину душа обретает радость в искании послушания; ибо в мире, где все закон, гармония с законом должна всегда приносить мир и счастье, а душевный разлад есть показатель нарушения гармонии с законом. Растущая душа, достигнув известной духовной силы и знания истины, будет воспитывать себя в убеждении, что радость обладания лежит не в захвате, а в давании; она знает, что должна сломить все стены, воздвигнутые кругом себя в дни неведения, и излить свою радость на весь мир. Так инстинкт искания личных радостей превращается в способность распространять радость; то, что давало прежде удовольствие в отчуждении, превратилось в радость общую и стало ясным, что нет ничего ценного кроме того, что можно отдать. Эта радость давания и есть истинная суть жертвы как изливание того, что утеряло бы всякую цену в границах обособленного «я».

Возьмем другой пример духовной алхимии: эгоистическую любовь. Это нечто выше инстинктивного искания удовольствия, ибо само слово любовь уже указывает на некоторый акт давания, иначе это не была бы любовь. Но это все же может быть еще очень эгоистичная любовь, любовь, которая пытается не столько давать, сколько получить, и являет собой потому некрасивые приатки исключительности, ревности, желания исключить других и хранить

любимый предмет для одного себя, как бы ограничить солнце, чтобы удержать его сияние только для себя, так чтобы никто другой не пользовался его лучами.

Но как может измениться эгоистическая любовь? Не уменьшением любви, как это ошибочно думают некоторые люди, не делая ее холоднее или жестче, если вообще возможно, чтобы любовь была холодной или жесткой, а приветствуя любовь, пытаясь сознательно освободить ее от унижающих ее элементов. Внимательно следя за низшим «я», душа мгновенно разрушает стену исключительности, которую это «я» пытается воздвигнуть; она спешит поделиться с другими тем, что хотела бы сохранить только для себя как особенно ценное, и, когда это «я» пытается вырвать любимое у других, душа его отдает, чтобы другие могли также участвовать в ее радости. Душа должна понять, что все прекрасное и радостное должно быть отдано всем, чтобы все имели бы счастье прикоснуться к этой радости, и тогда все грубые элементы постепенно исчезнут. Когда возникнет эгоистичное чувство, оно будет сознательно отброшено; если явится ревность, то она будет сразу изгнана, и настроение, которое сказывалось как «останемся одни и будем наслаждаться» преобразится в настроение «пойдем вместе в мир, чтобы поделиться с другими той радостью, которую мы вместе обрели». Таким процессом алхимии любовь станет божественным состраданием и распространится на весь мир, и прежняя радость получать от любимого станет наслаждением давать. Любовь, которая когда-то была эгоистичной любовью одного мужчины к одной женщине, расширилась затем на круг домашних, на жизнь общины, на жизнь нации, на жизнь расы; наконец она расширится так, что будет заключать в себе все, что живет во вселенной. Такая любовь ничего не потеряла в глубине, силе и беззаветности, она только распространила на вселенную то, что отдавала одному-единственному сердцу и стала океаном сострадания, обнимающим собою все, что чувствует и живет. Такова алхимия любви.

Так можно перебрать и разобрать качества низшей природы, и мы увидим, что весь алхимический процесс состоит в освобождении от обособленности; в сознательном, волею и знанием направленном сжигании этой обособленности, и как мало еще не понимает иногда ослепленное «я», но для истинного человека весь этот процесс дает только радость. Раз это постигнуто, страдание теряет свой характер страдания и становится радостью; даже при ясном ощущении того, что обыкновенно есть скорбь, радость берет верх и побеждает страдание, ибо душа уже видит, и низшая природа начинает постигать конечную цель своей работы.

Углубляясь в этот анализ, мы понимаем, что это преобразование может совершаться еще иным путем: по мере того, как огонь мудрости и любви, которые составляют божественную природу человека, все больше проникает в низшую, сжигая ее ограничения и преобразая их по своему подобию, также освобождается и духовная энергия, духовная мощь. Чудесным процессом алхимии «высшее Я» обретает способность проявить себя в низшей природе, к человек являет новые способности и силы; своим огнем любви и мудрости душа освобождает новую энергию, сжигая низшее, она дает волю высшим силам. Результатом является раскрытие духовной жизни, освобождение того, что было сковано и не могло проявиться и что теперь после сожжения внешней оболочки получило простор для работы в мире.

Вместе с восхождением души на высшие планы и с сознанием тождества и единства всего сущего, мы начинаем смутно постигать великую истину: в силу своего единства с другими душами человек может делиться с ними и помогать им; отказавшись от своей радости, он испытывает счастье, ибо он и мир одно. Все, что может быть названо наградой духовного совершенствования, возможностью духовного отдыха, блаженства и роста, все, чем нельзя поделиться с другими, все это может сделаться предметом радостного отречения в силу потребности души все обретенное отдать на помощь всей человеческой эволюции. Так ученики отказываются от девачана и архаты, отказываются от нирваны; это значит, что они достигли той

точки самоотождествления себя с братьями, когда для них делается божественной потребностью поделиться обретенным с другими: настоящая их награда состоит не в блаженстве девачана и нирваны, а в радости отказаться от достигнутого наслаждения во имя всех ради помощи общей эволюции, ради подъема человеческого рода, которого они составляют часть.

Затем душа начинает также понимать, как мы можем помогать. Когда человек, в прошлом сеявший страдания, изнемогает под тяжестью нарушенного закона, принесшего ему скорбь, ученик начинает познавать, что его страждущая душа и он составляют одно на плане Реальности, и поэтому он будет стремиться не снять с сеятеля долг, а вдохнуть в него силу. Тяжесть несется тем, кто ее уготовил, жатва собирается сеятелем, но душа наполняется новой силой, новой жизнью, новым пониманием, которые ей помогают исполнить свою задачу, внося в работу новое настроение. Одна из величайших наград растущей души, ничего не требующей себе, кроме права служить, состоит в том, что ей бывает дано вдохнуть в другую изнемогающую и более слабую душу божественное мужество, утешение и понимание, а с ними надежду и силу нести свой крест. Помощь заключается не в снятии с души уготованной ноши, которую ей следует нести, но в укреплении борющейся души внесением в нее той силы, которая рождается от понимания сути вещей. В этом понимании боль налагаемого наказания превращается в терпеливое несение заслуженного страдания, и из него извлекается урок. Осененная новым пониманием душа просветляется в то время, когда еще несет ношу своей кармы; данный ей дар дает ей силу на будущую борьбу, ибо он изливается как божественная жизнь с того плана, где все души составляют одно. Этот план исполнен духовной энергией, изливающейся в мир через тех, кто познал божественную радость этого излияния и для которых не существует высшей награды, как помощь в подъеме братьев к Свету.

Но почему же так жутко бывает в Преддверии при мысли о раскрывающемся Пути в самом Храме? Почему назван он «Скорбной Стезеей», когда с каждым шагом Путь все больше и больше сияет блаженной радостью? Вспомним, для кого вначале этот Путь должен быть «Стезеею Скорби». Вспомним, что быстро поднимаясь в гору, опережая обыденную человеческую эволюцию, результаты, которым суждено было сказаться в течение многих жизней, неизбежно как бы сосредоточиваются на нескольких воплощениях, и на этом кратком протяжении времени карма прошлого обрушивается на человека с удвоенной потрясающей силой. Когда впервые таким образом душа становится лицом к лицу со всей своей кармой, потрясающая сила испытания заставляет ее страдать так, как она никогда еще не страдала. Но и в этом случае не душа чувствует скорбь, а низшая природа, все еще ослепленная и насильно ведомая высшей. Даже в этот час горького испытания, когда все накопившееся за многие жизни встречает душу, дерзнувшую бросить вызов своей душе, душа чувствует себя в обители мира и радуется, что быстро совершается то, что иначе растянулось бы на долгие жизни; она радуется, что в большом, но кратком огне остатки прошлого всецело очищаются, давая душе свободно подниматься к единственной желанной жизни.

Эта Стезя была названа «Стезеею Скорби». С низшей точки зрения это справедливо, ибо, вступая на нее, люди отказываются от многого, что миру кажется радостным, от наслаждения чувств и всех видов удовольствия, которые большинству людей кажутся цветами жизни. Но решившаяся подниматься душа потеряла к ним вкус и не желает их больше: она ищет неувядающих, непреходящих радостей. С одной стороны, это Путь отречения; с другой – это отречение есть полнота радости, мира и счастья. Это не есть выбор скорби вместо радости; это есть отказ от преходящего счастья ради вечного блаженства, отречение от того, что могут отнять внешние условия ради внутреннего богатства самой души, которого не могут похитить никакие разбойники; эту радость земные события не могут ни осквернить, ни затуманить, ни скрыть. Чем дальше по Стезе подвигается душа, тем глубже становится ее радость, ибо корень скорби в

неведении. Правда, часто знанию предшествует острое страдание, но это именно потому, что нет еще знания. Печаль сжимает сердце тех, кто ради страдающего мира посвятил себя исканию Пути и видит юре всех этих мужчин, женщин и детей, которые век за веком возвращаются на землю и все не знают, почему они страдают; в них вонзилось жало неведения, которое есть истинная сущность скорби. Зрелище погруженного в неведение мира и борющихся среди мировой суеты людей отзывается глубокой скорбью в сердце тех, которые станут спасителями человечества; это заставляет их искать Путь освобождения. Но оглядываясь на историю этих Великих Существ, поскольку может передать такую повесть история или традиция человеческие, не ясно ли, что агония, через которую Они проходили, имела место до того, как Они увидели Свет? Это была мука беспомощности, отражение горя, которое Они видели, не понимая причины и не зная средств исцеления. Остановимся на скорби божественного Человека, Будды, которому поклоняется треть человеческого рода и вспомним, как Он искал причину страдания, как скорбел о темноте и несчастьи мира, не видя исхода. Он пережил горе и самоотречение, отказался от жены, ребенка, дворца, домашнего очага, царства и, вооруженный лишь чашей нищего, ушел в джунгли, далеко от жилища людей. Его сердце было пронзено тоской, Его очи были затуманены. Он не знал, как спасти мир, и не мог успокоиться, пока мир страдал. Он прошел через многие опасности и муки, через телесные страдания и через мрак и скорбь души, которая жаждала, но не могла увидеть. Наконец, в то время, как Он сидел под деревом, Его озарил свет, и Он познал причину страдания. Горе исчезло; его заменила радость, и с уст Его слетел торжествующий крик радости, которой не будет конца, тот крик, что все еще звучит через века. Английский поэт^[8] нашел выражение словам, в которых Будда объявил, что причина страдания в неведении и что познание рождает радость.

«Я, Будда, который плакал слезами всех моих братьев,
Сердце которого было пронзено скорбью всего мира,
Я смеюсь и радуюсь, ибо есть свобода!»

Свобода и есть радость. Слепота неведения рождала слезы, сердце было разбито страданием мира, как и сейчас человеческие сердца разбиваются, потому что не знают, что есть свобода. Свобода возвещает, что причина страдания лежит не во вселенной, а в нас самих, в нашем неведении и слепоте, а не в природе вещей, не в самой жизни. С излившимся светом приходит свобода, и радость человеческая становится божественной. Божественный свет влился в душу ученика, он стал просветленным, мудрым, а для мудром нет скорби: страдание умерло навеки для божественно озаренной души.

Глава V. На пороге

Мы стоим перед Златыми Вратами, которые каждый человек может открыть и которые ведут в Великий Храм; вступив в него, человек больше не выходит (из него). Мы попытаемся представить себе настроение приближающегося к порогу неопита, который надеется вступить в Храм и примкнуть к тем, которые отдали себя на служение миру, посвятили себя помощи и прогрессу человечества. Стоящие в Преддверии очень различаются по своим умственным и нравственным качествам; они обладают разными свойствами и большей или меньшей способностью двигаться вперед, но у них у всех есть одна общая черта: это серьезность, глубина настроения. У них определенная цель. Они ясно сознают, к чему стремятся и смотрят на мир в свете этой цели. Это их общая, очень важная черта. В Восточных Священных Писаниях подчеркивается важность этого глубоко серьезного настроения. В индусских священных книгах легкомыслие определяется как один из наиболее опасных недостатков, а серьезность – как одно из самых ценных качеств; во всех религиях мы видим такое же отношение к этим свойствам. Вступившие в Преддверие перешагнули через те стены, которые разграничивают вероисповедания, и они понимают, что во всех религиях одни и те же великие учения; все религиозные люди стремятся к одной и той же великой цели. Неудивительно, что во всех Священных Писаниях мира, раз они исходят от единого великого Братства Учителей, мы находим те же требования для неопита: серьезность считается одним из самых существенных свойств ученика. Наиболее подробно это качество разбирается во II главе «Дхаммапады».

«Если серьезно настроенный человек пробужден, если он не забывчив, если его дела чисты, если он действует осмотрительно, если он ограничивает себя и живет согласно закону, его слава будет расти.

Пробуждением себя, серьезностью, самоограничением и самообладанием мудрый человек может сделать для себя остров, который никакой поток не затопит.

Безумцы, люди ложной мудрости, следуют тщеславию. Серьезно настроенный человек хранит свою серьезность как лучшую свою драгоценность.

Не следуй тщеславию, не гонись за наваждением любви и чувственности! Глубокую радость обретает тот, кто склонен к углублению и размышлению.

Вдумчивый побеждает тщеславие серьезностью; мудрый поднимается на вершины мудрости и с них смотрит на безумцев; спокойно смотрит он на суетливую толпу, подобно тому, как поднявшийся на гору смотрит на пребывающих в равнине.

Серьезный среди легкомысленных, бодрствующий среди спящих, мудрый движется вперед, как скаковой конь, оставляющий за собою остальных. Серьезностью поднялся Магхаван до власти богов. Восхваляется всеми серьезность. Легкомыслие всегда порицается.

Бхикшу, который любит серьезность и боится легкомыслия, движется наподобие огня и сжигает все свои оковы, малые и большие».

Оглядываясь на всю совершенную работу, мы видим как это качество, серьезная вдумчивость, лежит в основе всего очистительного процесса природы, управления мыслями, созидания характера, преобразования низших качеств в высшие; весь этот труд предполагает вдумчивую природу, признавшую свою цель и определенно к ней подвигающуюся.

Таким образом, эту черту можно признать характерной для всех, находящихся в Преддверии; она проявляется очень реально для тех, кто прозрел. Мы знаем, что характер человека можно прочесть в окружающей его ауре; говоря о человеческой эволюции, я указывала, что вначале душа представляет из себя нечто весьма неопределенное; недаром ее сравнивают с бесформенной туманностью. По мере того, как душа развивается, туманность обретает все более

ясные очертания и аура человека принимает соответствующий определенный образ; чем более развивается индивидуальность, тем более определенны становятся эти очертания. Если взглянуть в стоящих в Преддверии, то видно, что аура этих людей имеет законченные очертания; эта законченность является внешним признаком той внутренней определенности, которая свойственна индивидуальной душе. Это явление все более и более ярко выражается; здесь не может быть ошибки. Душа находится на той или иной ступени не по чьей-либо милости и не случайно: это ясная и определенная ступень, являющая обретенные качества и силы, ясно видимые тому, кто прозрел. Серьезность рождается с развитием индивидуальности, дающей ясные очертания ауры; определенно очерченная атмосфера, окружающая человека, является как бы внешним признаком внутреннего состояния вступивших в Преддверие; у одних ярче, у других слабее, но черта эта общая для всех.

В чудесной книжке «Свет на Пути» верно сказано, что посвящения даются ученикам самой жизнью; это, конечно, не те посвящения, которые даются в самом Храме (первое из них при прохождении через Златые Врата), а те постоянные испытания, с которыми ученик встречается в своей ежедневной жизни; вполне реально можно сказать, что жизнь – Великий Иерофант. Все испытания, через которые ученик проходит, свидетельствуют о его силе и развивают его способности. В «Свете на Пути» изложены определенные условия, начертанные, как говорится в «Комментариях», в передней каждой ложе истинного братства. Эти правила выражены мистическим языком, а при употреблении мистической речи может возникнуть опасность слишком буквально понимать слова, не вникая в сокровенный их смысл. Вы помните четыре истины, начертанные в передней каждого духовного братства.

«Прежде чем очи увидят, они должны быть недоступны слезам».

«Прежде, чем ухо услышит, оно должно утратить свою чувствительность».

«Прежде, чем голос может заговорить в присутствии Учителя, он должен утратить способность наносить боль».

«Прежде, чем душа может предстать перед Учителем, стопы ее должны быть омыты кровью сердца».

Автор «Света на Пути» дал к своей книге ценные комментарии, помогающие раскрыть глубокий внутренний смысл этих первых истин. В них объясняется, что фраза: «Прежде, чем очи увидят, они должны быть недоступны слезам» – означает, что душа должна перейти от жизни ощущений к жизни познания, из места, где она постоянно потрясается страстными вибрациями чувств – в область знания, где царят определенность, тишина и покой. Глаза – окна души; окна эти затуманиваются «влажностью жизни», т. е. сильные ощущения радости или страдания набрасывают покров на окна души, и она не в состоянии через него ясно видеть. Эта пелена набрасывается не изнутри, а извне; не душа, а личность рождает ее, ибо она является не вследствие понимания жизни, а в силу страстных ощущений. Потому она выражена словом «слезы», которые являются подходящим символом страстных эмоций радости и скорби. Очи души не могут настоящим образом видеть, пока они не стали недоступны слезам, пока окна души не утратили способность затуманиваться извне осаживающейся влажностью, пока они не прояснились и не стали пропускать Света Знания. Это искусство должно быть обречено. Это не значит, что ученик утратит свою чувствительность, но что ничто, извне приходящее, не может нарушить его равновесия; он не теряет способности страдать или наслаждаться – он будет более остро и страдать, и радоваться, чем другие, – но ни скорбь, ни радость не будут в состоянии отвлечь его от его цели и лишит того равновесия, которое приходит с истинным знанием. Знание дает понимание вечного, непреходящего, и потому у человека является спокойное убеждение, что нереальное не может затуманить зрение души.

То же и со второй истиной: «Прежде, чем ухо услышит, оно должно утратить свою

чувствительность». Душа должна достигнуть места безмолвия; ибо, хотя голос Учителя постоянно звучит в мире, но уши людей не слышат его, потому что они оглушены звуками внешней жизни. Учитель не безмолвствует, Он всегда говорит, голос Его постоянно раздаётся. Но окружающие звуки так громки, что эти грубые выражения низших эмоций не пропускают более нежных и тонких мелодий. Поэтому должно настать безмолвие и ученик в Преддверии должен обрести то безмолвное место, где он может услышать истинный звук. Это место безмолвия вызывает вначале впечатление отсутствия всякой чувствительности, такая глубокая нерушимая тишина встречает здесь душу.

Автор сильно говорит о трудной борьбе при наступающем безмолвии. Мы так привыкли к окружающим нас звукам, что наступающая тишина поражает душу, как будто человек очутился в бездне, где нет звука, во мраке полного одиночества, и душе кажется, что почва ушла из-под ног, что все изменило, как будто с исчезновением живых звуков исчезла и сама жизнь. Если даже Сам Учитель держит руку ученика, ученику кажется, что рука его пуста; он не видит больше ни Учителя, ни того, кто шел перед ним, и он чувствует себя висящим в пространстве: ничего нет ни над ним, ни под ним, ни по сторонам. В эту минуту безмолвия наступает как бы пауза в его жизни, все как будто приостановилось, даже сама жизнь души. Среди этой тишины, с другого берега слышится впервые тот голос, который, раз он прозвучал, слышится уме затем всегда среди всех звуков земли; уловившее его ухо уже будет всегда воспринимать его: никакие земные звуки не в силах заглушить прозвучавшей в душе музыки. Эти две истины должны быть прочувствованы и пережиты до приближения к Златым Вратам: ученик должен их понять до того, как подойдет к порогу и начнет ждать разрешения вступить в самый Храм.

Остальные две истины принадлежат скорей жизни в самом Храме, хотя они начертаны уже в Притворе; многое, что здесь начертано, вырабатывается по другую сторону. Оно дается здесь неофиту лишь для его руководства, чтобы он знал, в каком направлении ему идти и как подготовить себя к работе в самом Храме. В Преддверии душа делает усилие постигнуть эти великие истины. Способность говорить в присутствии Учителей и стоять перед Ними лицом к лицу может явиться как предчувствие в Преддверии, но вполне понятной она может стать только в самом Храме. По эту сторону Златых Врат может только забрезжить сознание тот, что значит «способность говорить». Речь в присутствии Учителя есть призыв к Великой Сущности, представительнице того Луча, к которому принадлежит ученик. Призыв возносится вверх и затем возвращается к ученику, а от него идет в мир. Это – мольба о знании, и ответ дается как способность передавать, выражать воспринимаемое знание. Единственным условием права говорить в присутствии Учителей есть стремление передавать другим обретенное знание и стать звеном той Цепи, которая соединяет Величайшего с самым ничтожным. Тот, кто хочет стать учеником, должен сейчас же стать и слугой; он не будет получать, если не будет делиться. Эта способность речи, не внешней речи, принадлежащей скорей к низшим планам, но истинной речи, говорящей от души к душе, указывает путь не словами, а скрытой в них истиной. Эта способность речи дается ученику лишь иногда, когда он готов отданным служению и стать одним из тех огненных языков живого пламени, которые являются в мире человеческом, чтобы поведать ему скрытую тайну жизни.

Наконец последняя истина: «Ученик не может стоять в присутствии Учителя, пока стопы его не омыты кровью сердца». Подобно тому, как слезы обозначают влагу жизни, так и кровь сердца обозначает самую жизнь: кровь сердца, омывающая стопы ученика, это – жизнь ученика, от которой он отказывается, чтобы отдать ее всему миру. Жизнь – самое ценное достояние человека, и потому он должен отказаться от нее, чтобы иметь право стоять перед лицом Тех, Кто все отдали. Перед Их лицом он может предстать лишь тогда, когда он погасил желание жизни для себя, желание рождения и каких-нибудь личных переживаний: он омыл стопы свои кровью

собственного сердца и отдал свою жизнь на благо человечества, на служение. Эту истину можно вполне постигнуть лишь в Храме, ибо такое полное отречение от жизни, такое освобождение от всех желаний, это есть совершенство тех, кто стоят на пороге последнего посвящения, это торжество архата,^[9] познавшего все, что можно познать, но важно знать, что такова истина, и потому она начертана уже в Притворе.

Разобрав эти ступени и стадии, ведущие к порогу Храма, мы начинаем понимать, чем станут те, кто стоит перед Вратами, готовясь переступить через порог; многое и в них есть еще несовершенного, много остается им проработать и осуществить, чтобы достигнуть высот Посвященных. Но стоящие здесь – люди убежденные, с определенным характером, с очищенной жизнью, с потухшими или угасающими страстями, с самообладанием, с стремлением к служению, к чистоте, к высочайшему благородству жизни. Стоя на пороге, дерзнем ли мы на мгновение взглянуть вперед, чтобы понять ожидающее нас грядущее, понять, почему в Преддверии так много требуется от ученика? Четыре Тропы, или четыре Ступени, виднеются в самом Храме, и каждая имеет свои собственные Врата, Врата великих Посвящений. В «Голосе Безмолвия» и в некоторых других книгах получающий первое Посвящение именуется «вступивши в Поток». Так называется тот, кто перешагнул пороги вошел в Храм, из которого никто уже не выходит.

«Вступление в Поток» есть определенный шаг. Перед вступившими лежит еще семь жизней. Редко человек, вступивший в поток, достигает цели во время одной и той же жизни; обыкновенно ему остается прожить семь жизней раньше, чем он может сделать последний шаг. Но все эти выражения не надо понимать буквально, ибо жизни суть результаты, их нельзя всегда измерять земными рожденьями и смертями: они не столько жизни, сколько известные этапы на пути эволюции, которые не всегда измеряются промежутком между колыбелью и могилой. Эти стадии следуют друг за другом непрерывно и без перерыва самосознания.

За этими первыми Вратами стоят вторые, иными словами, второе Посвящение, в котором последние слабости человеческой природы отпадают одна за другой, ибо все должно отныне осуществляться в совершенстве. По мере того как ученик подвигается, оковы его, последние слабости, падают, и он близится к совершенству, к полному проявлению божественного в человеке.

Сказано, что после второго Посвящения человек принимает только еще одно рождение. Только раз должен он еще вернуться, а затем его принудительный круг рождений и смертей закончен. Он может снова вернуться к воплощению, но это будет по свободному желанию служения, а не в силу вращения колеса рождений и смертей. Достигнув этой стадии, он подходит к третьим Вратам. После третьего Посвящения он становится тем, кому не суждено больше принимать рождений; в течение своего воплощения он пройдет четвертую стадию, которая приведет его к порогу нирваны, где нет больше принудительного для души закона. Четвертая стадия – ступень архата, на которой сбрасываются последние оставшиеся оковы.

Можно ли какими бы то ни было земными словами изобразить эти последние ступени, эти четыре Посвящения? Доступно ли нам понимание всего труда, который открывает эти Врата и подготавливает жизнь по ту сторону? Мы уже знаем, что неофит еще далеко не совершенен. В книгах, озаренных лучами из Храма, говорится, что должны еще пасть десять оков человеческих слабостей. Почему же так строги требования к тем, кто готовится переступить порог? Почему так много должно быть осуществлено раньше, чем будет дано разрешение войти в Храм и держащие ключи раскроют Врата? Потому что часть разобранных нами условий должна быть налицо еще до этой минуты. Каждый шаг по ту сторону порога дает большую и большую власть человеку. В Храме глаза раскрываются и человек действует и живет так, как здесь невозможно. Новое зрение, слух и делание делают из него человека, отличного от окружающих, владеющего

неведомыми им силами; среди людей он только отчасти с ними; участвуя в общей жизни, он живет особой жизнью. Понятно, что раньше, чем ему можно доверить власть, он действительно должен стать иным человеком, чтобы данная ему власть не оказалась опасной для других. Если бы такой человек все еще имел общие слабости, если бы он легко раздражался недостатками окружающих, легко терял равновесие под влиянием событий дня, легко приходил в гнев; если бы его сострадание не росло, а сочувствие было бы недостаточно глубоко, так что в минуту обиды он ощущал бы гнев, а не жалость, раздражение, а не всепрощение, если бы он не обладал ни терпимостью, ни терпением, то подумайте, какие бы могли быть результаты при обладании, хотя бы еще и в малой степени, сверхчеловеческими силами. Не явилась ли бы страшная опасность, что эти свойственные обыкновенному человеку малые недостатки могли бы привести к своего рода катастрофам? Не стал ли бы человек при новых своих силах источником опасности для тех, на которых направлены эти силы? Как выдержал бы такой нетерпимый и не обретший сочувствия человек, как он выдержал бы свое положение, став способным читать мысли людей и видеть в их ауре обнаженным то, что обыкновенно окутывается в благообразную видимость, видя постоянно людей такими, каковы они в действительности, а не такими, каковы они кажутся во внешнем мире? Только тому может быть дана такая сила, кто, помня свои собственные недостатки и борьбу, научился не гневаться и не осуждать, а сострадать и помогать слабым. Вот почему предъявляются суровые требования неопиту, стоящему на пороге Храма, в котором место лишь помощникам и слугам человечества. Стоящая перед ним задача так велика, что прежде, чем к ней прикоснуться, он должен сильно подвинуться: он должен быть свободен от человеческой слабости, обрести все знание, доступное в пределах нашей системы, и развить способности познания настолько, что в любой момент, куда бы он ни обратил свое внимание, он мог бы воспринять все, что может быть познанным. Ибо таковы способности Посвященного. Адепт есть «тот, которому не осталось ничему учиться»; он стоит на последней ступени в Храме и совершает такую великую божественную работу, что она казалась бы невозможной, если бы мы не знали, что люди ее уже совершали. Какой прогресс должна совершить душа в несколько кратких жизней, чтобы подняться с того сравнительно невысокого уровня, на котором ее застало первое Посвящение, до тех головокружительных высот, на которых стоят совершенные Адепты, цвет человеческой эволюции? Раз такая могучая задача предстоит неопиту и ему суждено отбросить последние призраки человеческих слабостей и неведения, то понятно, что ему надо нести колоссальную работу: ставить твердые и могучие устои тому зданию, которое затем ему суждено возвести. Когда глаза открываются, величие задачи выступает ярче, чем в дни, когда они были сомкнуты; вступившему на Путь, Путь кажется выше и длиннее, чем тем, которые видят его сквозь отуманенные очи по ту сторону Врат; вступившие видят более ясно Тех, Кто впереди, и точнее измеряют отделяющее от Них пространство. В свете этой славы как бледны подвиги ученика! Как ничтожно и слабо все его делание в свете Их совершенной силы; как почти безгранично его неведение в свете Их совершенного знания, а между тем, только четыре ступени еще отделяют его от Них. Но условия в Храме будут совсем иные; то, что казалось трудным, становится легким, и, что казалось невозможным, осуществляется там. Прежде всего большая перемена в том, что люди в Храме «понимают». Помните слова, на которых я нарочно остановилась, приведя возглас торжества, сорвавшийся с уст Будды, когда Он провозгласил конец рабства и обретение свободы? Этот возглас говорил стоящим в мире не только о причине страдания, но и о прекращении страдания, прекращении, рождающемся от понимания действительности.

«О вы, что страдаете! Знайте:

Вы страдаете от самих себя. Никто иной не принуждает.

Никто иной не заставляет вас жить и умирать».

Переступивший порог знает, что это правда. Люди страдают от самих себя; они не скованы. Как только человек это понял, весь Путь, со всеми его терниями, преобразится в его глазах; он понимает, что мир страдает по неведению, что если люди страдают, то это потому, что они мало растут и не знают, что переходят из жизни в жизнь; колесо рождений и смертей, к которому они привязаны, держит их так крепко, потому что они не знают о своей свободе. Когда впервые сознание человека, переступившего порог, озаряется этим пониманием, он знает, смотря на мир со всеми его плачущими очами и надрывающимися сердцами, что есть конец страданию, что оно прекратится вместе с неведением. И таким образом, раздирающая мука сердца отошла: возможна еще скорбь, пока человек ее не перерос, но не может быть более отчаяния и утери надежды. В ученике является уверенность, что заря взойдет и солнце встанет. Но кроме того, переступив порог, он обретает непрерывное сознание, над которым смерть не будет больше иметь власти; рождение не родит более забвения. На все последующие жизни при нем будет это непрерывное сознание, навсегда обретенное самосознание, которое утратить больше он не может. В сущности, раз родившись в человеке, оно никогда больше утерянным не может быть, но око отпечатлевается в низшем сознании в течение тех жизней, которые лежат по эту сторону Храма. Вступив в Храм, душа обретает непрерывное самосознание, она может оглянуться назад, заглянуть вперед и чувствовать себя сильной в познании своей бессмертной Сути. Как это должно преобразить жизнь! Ибо какие самые большие неизбежные страдания для человека? Самые тяжелые – это разлука и смерть: разлука, созданная пространством, когда нас от друга отделяют сотни и тысячи верст, и разлука, созданная переменой условий и состояния, когда покрывало смерти падает между воплощенной душой и развоплощенной. Но разлука и смерть не существуют для того, кто переступил порог. До известной степени он их еще чувствует: пока не спали все оковы, разлука и смерть еще рождают муку в его сердце, но они не могут затуманить его сознания; разлука существует для него только во плоти, а он может уже по желанию выходить из своего тела и направляться туда, где больше не имеют власти ни время, ни пространство. Итак, эти два больших источника страдания для него больше не существуют. Друг не может быть для него утерян, смерть не может оторвать от него тех, кто связан с ним душою. Для него разлука и смерть не имеют больше реального бытия; это зло прошлого, их страшные образы исчезли навсегда.

Но и это еще не все. Не только он обрел непрерывное сознание, которое не дает ему возможности быть от кого бы то ни было оторванным, но он также знает, что и в грядущих жизнях он уже никогда не будет чувствовать, как прежде; он больше не вернется в мир бессознательным, чтобы истратить полжизни в поисках, не зная, чего он ищет; он больше не придет в мир в полном незнании, ослепленный окутывающей его материей. Он вернется со знанием, с раскрывшимися возможностями к прогрессу, и если он не двинется вперед, то это будет его собственная вина. Он обрел то сознание, при котором прогресс ускоряется; всякая задержка будет идти уже не от жизни, а от него самого.

Его состояние изменится также и вследствие своего вступления в новое братство, которому чужды облака сомнения, колебаний, это братство пребывает над всеми туманами земли, тучи не имеют в нем места и не могут больше нарушить покой души. Ибо вступив в Храм, он узрел великих Учителей, и соприкосновение с Ними изменило всю его жизнь. Он соприкоснулся с непреходящим, и временное не может больше потрясти его, как в те дни, когда он не знал Вечного. Его ноги встали на скалу, и волны не могут его смести с нее, заставляя плыть по бурному морю. Таким образом, как ни величественна работа в Храме, условия насколько переменились, что она уже не кажется невозможной, Стезя делается, несмотря на свое величие, доступной. Она поднимает душу на высочайшие вершины; но эволюция душевная ускоряется невыразимо при раскрывающихся новых силах, когда мрак разошелся и свет стал виден.

По мере того, как душа поднимается на высшие ступени, скидывая одну за другой последние свои оковы, человеческая слабость исчезает и душа начинает сиять во всей своей силе, покое и чистоте. Иллюзия «низшего я» спадает, и душа видит всех людей в слиянии с истинным, «Единым Я». Сомнение заменяется знанием; познавая реальную Суть вещей, душа делается неспособной к сомнению. И всякая надежда на преходящее внешнее оставит такую душу; ибо в живом общении с реальностями все внешнее должно принять свои настоящие размеры и душа познает как призраки те вещи, которые разделяют людей. Она познает, что все религии, превосходство одного культа над другим, что все экзотерические обряды и церемонии суть только призрачные стены, воздвигнутые между человеческими душами; эти призрачные оковы спадут с просветленной души, и эти следы человеческой слабости отлетят. Внутренние силы души раскроются; зрение, слух и знание, о которых и мечтать трудно, вливаются со всех сторон в восприимчивую, раскрывшуюся душу. Это уже не то внешними чувствами ограниченное знание, исключаящее почти всю вселенную и освещающее лишь ничтожную точку земли, а знание, вливающееся со всех сторон и как бы заливающее душу, так приобретение знания скорее походит на процесс непрерывно растущей жизни. А затем душа освобождается от последних, тончайших желаний своих, от последнего прикосновения земной жизни и ее ига.

Но подходя к последнему Посвящению, к тому, которое создает архата, мы чувствуем, что не в силах понять, какие еще могут быть оковы в таком высоком состоянии. Сказано, что «состояние архата столь же трудно понять, как переживание птицы в воздухе»; как она, Он не оставляет следов, как она, Он переносится в высотах, свободный от оков, не касаясь земли, и от этих горных вершин к нам слегка слетает глубокий мир, который ничто не может нарушить. Ничто, никакие бури земли не могут потрясти архата: он пребывает в мире нерушимом, в светлой ясности и тишине, которую ничто не может затуманить. Знающие писали об этом состоянии, но слова могут передать только слабый отблеск таких переживаний. Сказано:

«Терпимый, как земля, как молот Индры, он подобен озеру без тины; ему не предстоит больше рождение. Его мысль тиха; тихи его слова и дела, когда он истинным знанием обрел свободу, когда он стал таким человеком».^[10]

От этой тишины и на нас исходит ясный, светлый, глубокий мир, и мы понимаем, почему об архате сказано:

«Нет страдания для закончившего путь и освободившегося от скорби, ибо он скинул с себя все оковы».^[11]

Таков стоящий на вершине Стези архат. Ему остается сделать лишь последний шаг, чтобы познать все, что возможно познать. Такова цель, таков Путь, на который могут встать все. Таков конец борьбы, конец ее – совершенный мир.

Рисуя ступени предварительного Пути, а затем уже и Стези за Златыми Вратами, может быть, я слишком сгустила краски, и Путь показался страшным? Если так, то вина не Пути, а моя. Ибо, как бы велики ни были борьба, затруднение и страдание на Пути, но вступившие в Преддверие уже не вернулись бы назад ни за какие сокровища земли; какие радости могла бы дать земля тем, кто переступил порог, чтобы заставить их раз оглянуться назад? Страдание на Пути восхождения лучше радостей земли, выше всех ее наград. Если бы вложить в одну краткую жизнь все радости, которые в состоянии дать земля, если ее исполнить наслаждениями и способностью непрерывно вкушать наслаждение, увенчать ее всеми чувственными и интеллектуальными радостями, избавив ее от всякого прикосновения страдания и усталости, так, чтобы это с точки зрения земной была совершенно идеальная жизнь, то в сравнении с суровыми ступенями Стези, эта земная жизнь сплошной радости была бы бледная, скучная и тусклая, музыка звучала бы как дисгармония в сравнении с мелодиями Вершин. Ибо на этом

Пути каждый шаг делается навсегда и каждое страдание встречается с приветом, потому что оно дает урок. По мере того, как душа подвигается по Стезе, она делается все радостнее, ибо неведение ее уменьшается, она все более исполняется миром, а слабости ее постепенно исчезают; она все растет в свете по мере того, как вибрации земли теряют способность нарушать ее тишину. Только Те, Которые закончили Путь, могут сказать о Его конечной цели. Но и те, которые только начали восхождение, знают, что горе, встречаемое на Пути, есть радость в сравнении с земным счастьем и самые малые его цветы краше самых дорогих и драгоценных камней земли. В свете одного Луча, озаряющего Путь и становящегося все ярче с каждым шагом вперед, весь солнечный свет земли погасает и становится мраком. Ступающие по Стезе знают мир неизреченный, радость, которую не могут нарушить никакие земные потрясения, покой на скале незыблемой, которую не могут потрясти землетрясения, то место в самом Храме, где Мир обретается вовеки.

notes

Катха упанишада, II, 20.

Голос безмолвия.

Голос безмолвия.

III, iv, 1.

2 Посл. к Коринф., 3:18.

Священные Писания

Бхагадгита, III песнь.

Эдвин Арнольд.

Высокая степень посвящения.

Из «Дхаммапады».

Из «Дхаммапады».